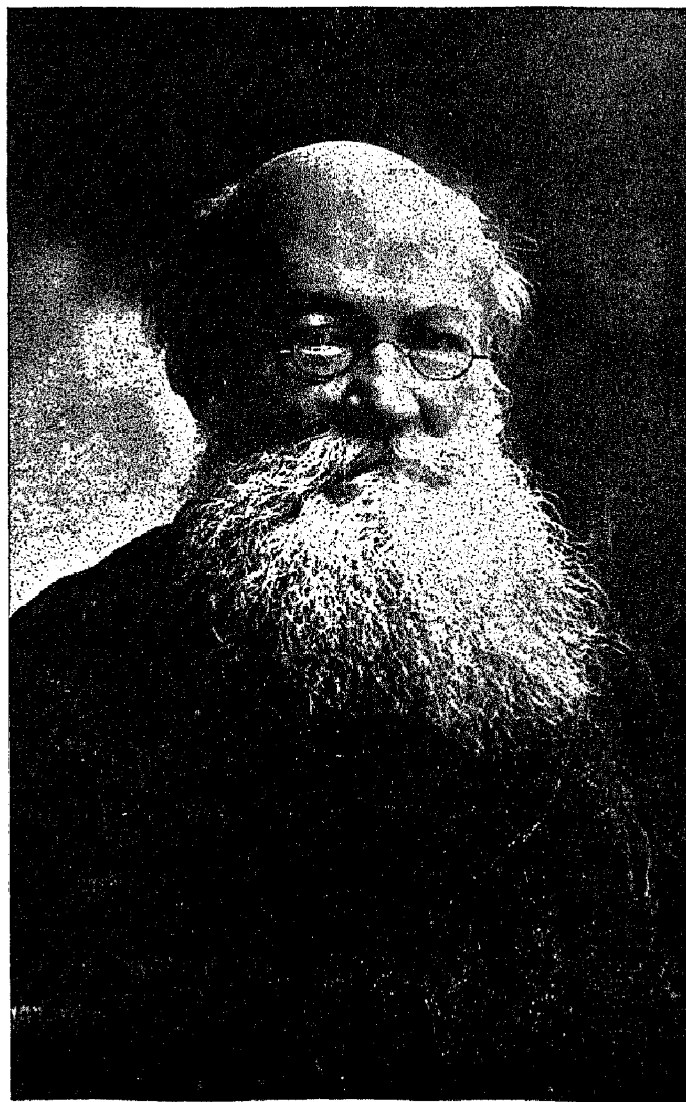
№ 8 КРОПОТКИНСКИЙ ЮБИЛЕЙНЫЙ НОМЕР. ЦЕНА 15 ЦЕНТОВ.

ДЕЛО ТРУДА-ПРОБУЖДЕНИЕ

Орган Объединенной Федерации Русских Рабочих Организаций С. Штатов и Канады.

ОКТЯБРЬ — ДЕКАБРЬ 1942 г.	DIELO TROUDA-PROBUZHDENIE 45 West 17th Street, New York, N. Y.	18 год. издания

СТОЛЕТИЕ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ П. А. КРОПОТКИНА,

ОТЦА И НАУЧНОГО ОБОСНОВАТЕЛЯ СВОБОДНОГО КОММУНИЗМА.

П. А. КРОПОТКИН.

КОНСТРУКТИВНЫЙ ХАРАКТЕР УЧЕНИЯ КРОПОТКИНА.

(ЭЛЕМЕНТЫ БУДУЩЕГО В НАСТОЯЩЕМ)

Кропоткин, характеризуя в «Записках Революционера» Элизе Реклю, писал, что его анархизм «является выводом из широкого и основательного изучения форм жизни человечества во всех климатах и на всех ступенях цивилизации». Это определение анархизма Элизе Реклю приложимо к анархизму самого Кропоткина; но в гораздо более расширенном виде, а именно: **анархизм Кропоткина является выводом из изучения жизни природы и форм жизни в природе.**

***

Кропоткин примкнул к революционному движению будучи уже тридцати лет отроду, с репутацией успешного ученого и иследователя в области географии и геологии, с опытом легального общественного деятеля, следовательно, в определении пути жизни играли роль не только эмоции. К анархизму он пришел в результате тщательного изучения литературы последнего. В «Записках Революционера» он говорит, что в свой первый приезд за границу, весной 1872 года, он мог удовлетворить свою многолетнюю страсть «изучить все, касающееся Интернационала».

«Одна моя родственница, рассказывает Кропоткин, принесла мне целую кицу книг, брошюр и газет за последние два года. Я читал целые дни и ночи напролет, и вынесенное мною впечатление было так глубоко, что никогда ничем не изгладится».

Среди поглащаемой Кропоткиным литературы несомненно были и газеты «Эгалите» и «Прогресс», выходившие в 1869 г., в которых печатались блестящие статьи М. А. Бакунина: «Политика Интернационала», «Усыпители», «Всестороннее Образование», «Письма о Патриотизме» и др. Среди этой литературы, надо думать, были и брошюры Бакунина, опубликованные до приезда Кропоткина на русском, французском и итальянском языках, а именно: «Слово к молодым русским братьям», «К офицерам русской Армии», «Всесветный союз социальной демократии», «Наука и насущное революционное дело», «Бернские медведи и петербургский медведь», «Письма к французу», первая часть «Кнуто-Германская империя и Социальная Революция», полемические брошюры против Маццини — «Ответ одного интернационалиста Маццини» и «Интернациональная Ассоциация Рабочих», «К Рабочим Делегатам Римского Конгресса».

Надо полагать, что бакунинские произведения и произвели на Кропоткина такое неизгладимое впечатление. Я думаю, что они не только определили характер революционной деятельности Кропоткина, но и характер его научной деятельности. На Кропоткина, как на ученого натуралиста, несомненно произвело неизгладимое впечатление бакунинская огненная критика всех теолагических, метафизических и идеалистических философских систем; его сильная защита материалистической науки; его утверждение, что анархизм есть «научный материализм»; его приложение к изучению социальных вопросов метода науки — индукции («Письма о патриотизме»); его неизменные утверждения о единстве природы, включая в нее и челевеческое общество; его мысли о животном происхождении нравственности; его мысли о наличности в природе не только борьбы, но и солидарности; его мысли о необходимости обоснования новой, на данных науки основанной системы нравственности; его намеки о необходимости синтетической философии, основанной на «научном материализме», который есть анархизм. Все эти мысли должны были произвестти на Кропоткина впечатление просветляющего удара. Они раскрыли перед ним увлекательные перспективы выполнения конспективно наброшенной Бакуниным огромной научной программы, программы научного обоснования анархизма, программы новой философской системы.

Тот, кто внимательно изучит произведения Бакунина и Кропоткина и сравнит их, найдет, что мои предположения совсем не лишены основания.

***

Кропоткин уехал в Россию обуреваемый всеми этими мыслями. Они не покидали его в России и еще меньше когда он бежал заграницу и примкнул к Интернационалу. Работая в газетах «Револьтэ» и «Револьт» над аналитическими статьями, вскрывающими всю несостоятельность современного строя, из которых потом составилась книга «Речи Бунтовщика», и над статьями конструктивного характера, показывающими каким общество должно быть, — из них составилась книга «Хлеб и Воля», — Кропоткин все яснее и яснее понимал, что анархизм не прикладная социология, не метод действия, не идеал свободного общества, а нечто большее.

«Я мало-по-малу пришел к заключению, говорит он, что анархизм... представляет собою кроме того, философию, как природы, так и общества». Поскольку человеческое общество является частью природы, постольку, чтобы построить эту философию, необходимо забыть о существовании всех философских систем, построенных «метафизическими или диалектическим методом», а применить в социалистической области метод индукции, метод естественных

наук, как это делал или, если хотите, пытался делать Бакунин. «И я сделал все, что мог, в этом направлении», говорит Кропоткин.

Кропоткин сделал «в этом направлении» очень много. Если Бакунин, основываясь на данных современной ему науки, говорил, что подлинная истинная, «реальная наука» есть «материализм и социализм» и что «второе выражение», т. е. анархический социализм, «есть лишь правильное и большое развитие первого», т. е. материализма, т. е, «реальной науки», то Кропоткин, не только опираясь на данные современной ему науки, а и на своих собственных исследованиях показал и доказал, что «анархия есть миросозерцание, основное на **механическом** понимании явлений, — (лучше было бы сказать **кинетическом**, так как этим выразилось бы **постоянное движение** частиц вещества, но это выражение менее известно) — охватывающее всю природу, включая сюда и жизнь человеческих обществ» и что «ее тенденция основать синтетическую философию,— т. е. философию, которая охватывала бы все явления природы, — включая сюда и жизнь человеческих обществ и их экономические, политические и нравственные вопросы».

Таким образом, Кропоткин, вслед за Бакуниным, стремился найти анархичекому движению «теоретическое, научное выражение и обоснование... в естественных науках» своего времени и сделать его «одной из отраслей естественных наук». Кропоткину удалось сделать это с гораздо большей последовательностью и систематичностью чем Бакунину. Это он сделел своими исследованиями в области истории — «Великая французская революция», в области развития общественных учреждений — «Государство и его Роль в истории», в области философии — «Современная наука» и «Этика», в области политической экономии — «Поля, фабрики и мастерские» и во многих других областях, которые он осветил в ряде брошюр и статей.

* * *

Анархизм Кропоткина, обоснованный на естественных науках и вооруженный методом индукции (наведения), стал таким же могущественным и спасительным разрушителем, как и сама наука в целом.

Наука, став обеими ногами на твердую почву материализма, рассеяла мрак теологии и метафизики и уничтожила созданные ими призраки, как «Творец Вселенной», «Бог», Всемирный Дух», «Мировая Душа» Мировая Идея», «Субстанция», «Монада», «Воплощение Идеи», «Логос», «Любовное Притяжание», «Творческий Дух», «Абсолют», «Категорический Императив», «Жизненная Сила» и прочих домовых и леших человеческой культуры и цивилизации. И анархизм, подобно науке, также беспощадно разрушает и уничтожает домовых и леших в социальной области: «Государство», «Народное Государство», «Диктатура Пролетариата», «Парламентаризм», «Власть», «Централизация», «Юридическое Право». «Эксплоатация», «Имущественное Неравенство - Закон Природы» и пр. Только анархизм делает это, в отличие от науки, с большей последовательностью и решительностью. Наука не имеет этой последовательности и решительности, потому что она не свободна, потому что ее представители, будучи зависимы от господствующего класса, или служат ему и подчиняют науку его интересам, или часто не имеют мужества идти до логического конца в своих выводах и формулировках, которые сами собой напрашиваются. В этом смысле анахическая теория Кропоткина, как и Бакунина, чрезвычайно деструктивна.

Впрочем, даже эта спасительная для человечества деструктивность, говоря по существу, совсем не деструктивность, это скорее санитарность. Да, это, санитарность, потому что наука и анархизм выполняют, в указанном отношении, работу Геркулеса, работу по очистке Авгиевых хлевов цивилизации. Авгий имел три тысячи быков и не очищал стойла тридцать лет. Геркулес, пустив в них воды реки Алфея, очистил их в один день. Стойла цивилизации не очищались несколько тысяч лет и за это время в них перебывало такое множество теологических, метафизических и идеалистических быков самых разнообразных пород, как лешие, домовые, гении, боги, идеи, черти, монады, субстанции, абсолюты, императивы и множество других пород, что накопились горы навоза. Пущенные в стойла цивилизации могущественные воды науки и анархии до сих пор еще не размыли до основания эти горы; работа, однако, продолжается с нарастающей силой и день очищения приближается.

Толко в этом смысле учение Кропоткина деструктивно, во всем же остальном оно реалистично. иначе и быть не может, поскольку Кропоткин делает анархизм «одной из отраслей естественных наук». Реализм — первый элемент учения Кропоткина, конструктивизм — второй.

* * *

Изучая извилистые пути, по которым человечество добрело до нашей эпохи, Кропоткин вывел формулу прогресса, которая гласит:

НАИБОЛЬШАЯ СУММА СЧАСТЬЯ ДЛЯ ДАННОГО ОБЩЕСТВА И ДЛЯ ВСЕГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА.

Эта формула прогресса одновременно есть и цель анархизма.

Возникает вопрос: как можно помочь эволюции в этом направлении? Повидимому помочь можно только борьбой за реализацию и самой реализацией таких форм организации общества, которые соответствовали бы требованиям прогресса. Каковы же эти формы общества, которые удовлетворяют требованиям прогресса

и «позволяют лучше сумме счастья рости и развиваться качественно и количественно, т. е. позволяют счастью стать более полным и более общим?»

Ответ на поставленный вопрос можно найти, идя двумя путями. и этот ответ, в зависимости от избранного пути, может быть утопическим и может быть реалистическим, научным.

Можно, например, нарисовать себе, нисколько не заботясь о реальности, общество, которое было бы полной противоположностью современному строю, как рай и ад и разработать это в деталях согласно нашим желаниям и представлениям о счастье. Выработанный таким головным методом идеал общества будет ответом на поставленный вопрос. Так поступали ранние социалисты, так поступали и поступают марксисты и все государственные социалисты. Марксисты, не сообразуясь со всей совокупностью, игнорируя природу человека, опираясь только на метафизические «Экономические или Производственные Силы», настоящему строю (тезис) находят совершенно произвольно, по своему выбору, противоположность, которую они вызывают анти-тезисом, и потом делают вывод — синтез.

Кропоткин, поскольку он основывает анархизм на естественных науках и пользуется индукцией, таким путем не мог идти на поиски форм общества, которые обеспечивали бы максимальную сумму счастья в обществе и в человечестве. Анархический идеал таким рационалистическим, головным, детским путем не обосновывается, в его фундаменте должны лежать реальные факты, а не поэтическая фантазия и не произвольное измышление, которые не поддаются никакой критической проверке. «Анархия, говорит Кропоткин, основана на изучении направлений, уже обозначающихся в обществе в его теперешней форме». Чтобы иметь право на такое утверждение, Кропоткин должен был много поработать. Он должен был уловить эти направления, эти тенденции, проследить их происхождение, выявив их прогрессивный характер, их жизненность и силу, подвергнуть их критической проверке и только после этого пользовать те из них, которые проверку выдержали, в качестве кирпичей для построения форм грядущего общества, для построения анархического идеала. Только таким путем найденные формы общества могут иметь реальный характер, соответствовать желаниям и потребностям живых, а не отвлеченных людей и прогрессировать. Таким образом, Кропоткин строит анархизм на жизненной основе и в соответствии с реальной жизнью, т. е. он придает анархизму реалистический и конструктивный характер.

* * *

К анархистам, следовательно, совершенно не подходит кличка «утописты», повешанная на них социал-демократами, чтобы скрыть свою ненауность и утопизм низшей, обывательской марки.

«Утопистами», на самом деле, «были всегда те, как правильно говорит Кропоткин, кто в силу своих личных **желаний** не хотели принимать во внимание **новые** уже **намечавшиеся тенденции, новые направления**; те, кто приписывал слишком большую устойчивость тому, что уже стало достоянием прошлого, не замечая, что это прошлое было последствием преходящих исторических условий, заменившихся новыми условиями жизни».

Это определение утопистов в полной мере приложимо к марксизму во всех его разветлениях. Марксизм до сих пор, нестмотря на тяжелые уроки жизни, не растается ни с государством, ни с диктатурой, ни с парламентаризмом. Принципы диктатуры, доведенные до логического конца в России, привели к абсолютистскому тотальному государству и к закрепощению народа за этим государством. С другой стороны, вера в «парламентскую арифметику», привела к разгрому социал-демократизма во всех странах, к торжеству реакции и наци-фашизма и, следовательно, к порабощению рабочих масс. Это прекрасные примеры социал-демократического маркистского утопизма, реакционного утопизма.

Философия Кропоткина не допускает анархистов впасть ни в такой пошлый реакционный утопизм, ни в какой-либо более привлекательный сорт утопизма. Она удерживает их на почве действительности и требует от них конструктивной деятельности. Анархизм, не в пример марксистской метафизики, будучи, или, если хотите, стремясь быть, отраслью естественных наук расматривает общество также, как естествоиспытатель рассматривает и изучает явление природы, т. е. анархизм берет общество таким, каким оно есть на самом деле: со всей его красотой и безобразием, со всеми его качествами и недостатками. Он изучает его, анализируя каждую его составную част, каждую его функцию, всякий процесс в нем происходящий, стараясь на основе данных анализа, генезиса, т. е. исторического происхождения, и установленных причин, постичь что жизненно и прогрессивно, что обречено на умирание и регрессивно.

Что это именно так, это можно видеть на примере самого Кропоткина. Он имел вполне реалистическое представление о современном обществе, он не строил никаких иллюзий на его счет. Его острому, глубоко-проникающему взору было видно, что «подчиненный язычеству и духовенству дух древности, рабство, империализм, крепостничество, средневековая община, старые предрассудки и современный дух, — все это представлено в теперешнем обществе, более или менее, со всеми оттенками, под всеми формами всевозможных оттенков. Тени прошло-

го и облики будущего, обычая и понятная, сохранившиеся еще от каменного века, и стремления к будущему, еле обрисовывающемуся на горизонте, — все это существует в нем, в состоянии постоянной борьбы в каждом человеке, в каждом общественном слое и в каждом поколении, как и во всем обществе, взятом в целом».

Вот именно это, а никакое идеализированное общество с идеализированным человеком изучал и анализировал Кропоткин; именно в этом обществе он улавливал «облики будущего» и выявлял «стремления к будущему, еле обрисовывающиеся на горизонте».

И он говорил, не как утопист, а как реалист и конструктивист, что нужно стать сознательными и активными агентами роста и расширения этих тенденций, этих стремлений, этих обликов, не забывая, что новое общество может строиться только «из людей таких, какими мы видим их теперь: не лучших и не худших, не более и не менее трудолюбивых».

Только при таком реалистическом и, по существу, конструктивном подходе Кропоткин мог предпринять успешную работу по установлению путей развития общества. Установление путей развития общества дает возможность делать социальные предсказания, которые, однако, могут быть ближе к истине только при условии, если будут «обращать внимание на тысячи признаков новой жизни, отделяя случайные факты от органически необходимых, и строить свои обобщения на этом, единственно прочном основании».

Это именно и делал Кропоткин, чтобы обосновать свою кинетическую философию и анархический идеал, идеал, как он иногда выражался, «анархического социализма».

Чтобы формулировать основные принципы своей философии, Кропоткин, вооружившись индукцией, обратился к научным исследованиям и изысканиям в целом ряде научных областей.

Изучение развития человеческого общества привело его к выводу, что «обычаи и приемы, созданные человечеством в целях взаимной помощи, защиты и мира вообще, были выработаны именно «толпой» без имени»; значит, массовое творчество является одним из основных исторических факторов и что только те учреждения смогут удовлетворять потребности народных масс, которые выработаны ими самими. Отсюда следует заключение, что только те «облики будущего» в настоящем примут полное очертание, которые обязаны своим происхождением массовому, коллективному творчеству.

Исследование развития закона привело Кропоткина к выводу, что закон только фиксировал и кристаллизировал, отливая в постоянную форму или распространял обычаи, т. е. правила поведения, выработанные безымянной массой, и что к сводам этих обычаев всегда прибавлялись выгодные для господствующих классов, сословий или групп правила, которые постепенно закрепляли обычаи неравенства и порабощения. Следовательно, юридическое право есть отрицательный исторический фактор в деле установления справедливости, равенства и свободы — оно должно быть отброшено.

Исследования в области биологии привели к выводам, что такого закона, как «дави каждого, кто слабее тебя», в природе нет, что «природа учит совершенно другому» — взаимной помощи и что именно этому фактору человечество обязано своим существованием и развитием.

Иследования в экономической области обнаружили, что «неравенство имуществ не «закон природы», что капиталистическая организация общества совсем не самая выгодная форма организации и «что «законы» буржуазных общественных наук, включая сюда и политическую экономию — простые утверждения, или даже предположения, которые никогда не проверялись на практике».

Так, шаг за шагом Кропоткин, вооруженный индуктивным методом, во многих отраслях современной науки приходил к совершенно иным выводам, чем оффициальная наука, подчиненная интересам господствующих классов.

Опираясь на свои исследования, Кропоткин опять и опять повторял, что «к созданию нового строя можно придти, только изучая, как это советовал еще Прудон, **тенденции современного общества,** потому что, только хорошо поняв тенденции социального развития, можно более или менее правильно строить планы будущего социального строя». Придерживаясь строго научной, реалистической и конструктивной точки зрения, он не допускал никакого построения идеала нового общества, который не являлся бы суммой тех прогрессивных форм и тех прогрессивных тенденций и направлений, которые существуют в настоящем обществе и своим существованием обязаны безымянному народному творчеству. Больше того, он решительно заявляет, что «всякое рассуждение **о «переходах»,** которые придется сделать на пути к цели, будет совершенно бесполезно, если оно не будет основано на изучении тех **направлений,** тех зачаточных переходных форм, которые теперь уже намечаются в современном обществе.»

Это значит, что между разрушенным революцией капитализмом и поставленной целью, идеалом, имеется некоторое пространство и некоторый отрезок времени, которые, по необходимости, должны быть заполнены некоторыми переходными формами, т. е. в **переходный период** к цели переходными формами организации общества, могут быть только такие формы, которые вырастают из самой жизни народа, имеют хорошие корни в ней и могут, развиваясь воплотить идеал полностью. Всякие другие переходные формы, надуманные, искусственные как, например, диктатура пролетариата, не то-

лько безполезны но вредны, гибельны для народной свободы для народного благополучия, для прогресса. Опыт России прекрасно иллюстирует эту мысль — конструктивную мысль Кропоткина.

***

Кропоткин отлично понимал, что элементы будущего находятся не в головах вождей, не в головах великих людей, не в партийных программах, не в прошлом, а в настоящем. Вот эти-то элементы и нужно обнаружить выявить, а обнаружив, изучить. Изучением этих элементов он занимался всю свою жизнь и ими насыщены все его произведения, в этом отношении он является единственным. Ни до него, ни после него мы не найдем мыслителя, произведения которого были бы так насыщены результатами наблюдения над жизнью челевеческого общества.

Вглядываясь в экономическую деятельность людей в капиталистическом обществе, Кропоткин заметил, что в очень многих случаях эта деятельность носит на себе и в себе неосознанную тенденцию к коммунизму. Изучая, например, заработную плату, он заметил, что сдельная оплата труда все больше и больше замещается поденной платой и что поденная плата, под влиянием развития технологии, стремится в промышленности к нивелировке, к уравнению к равенству. Этот факт есть свидетельство того, что если стремиться к справедливости, то оплачивать труд по количеству выработанных продуктов становится все больше и больше невозможным. Жизнь толкает к равной оплате, которая является первым приближением к комунистическому принципу: «каждому по потребностям, от каждого по силам». Больше того, мы можем добавить, что в настоящее время все чаще и чаще в основу определения размера заработной платы кладется прожиточный минимум т. е. даже господствующие классы вынуждены признать принцип удовлетворение потребностей. Правда, пока эти потребности признаются только в минимуме но они признаются все-таки, развитие идет в этом направлении и недалек тот день, когда будет признано удовлетворение всех потребностей, т. е. развитие жизни и направление этого развития идут к коммунизму.

Важно установить факт что в недрах капиталистического общества происходит процесс нарождения и накопления начальных элементов частичного неполного коммунизма, кристаллизация переходных к полному коммунизму форм и что этот процесс наблюдается не только в эволюции форм оплаты труда и принципов подхода к ней, но и во многих сферах экономической деятельности. Правда, коммунистические тенденции и приближающиеся к коммунизму формы наблюдаются главным образом в потребительской области, и это естественно: это происходит в силу характера современного строя. И это не может говорить за то что коммунистические тенденции не являются теми «обликами» будущего, о которых говорит Кропоткин. Этих обликов в современной жизни очень много.

Кропоткин указывает на рестораны, пансионы, гостинницы, пароходы, где за определенную плату предлагается выбор из многих блюд и где никто не следит, сколько кто съест хлеба, употребит сахару, соли, воды, перцу и пр.; на разные виды страхования; на разные виды транспортации: железные дороги пароходы, автобусы, а теперь и аэропланы, где как и в ресторанах, за определенную плату можно проехать всю зону, — (если проездная плата основана на зонах), — или часть; на паровое отопление в больших домах; на театры на те из них, которые за одну и ту же плату каждому предостовляют занять любое свободное место; на автомобильные, научные изыскательские и пр. клубы; на различного вида кооперативы профсоюзы, ученые общества, которые за оределенную плату предоставляют своим членам библиотеку и комнату для работы. Он особенно подчеркивает коммунистические элементы в коммунальном хозяйстве: канализация, водопроводы, больницы сапатории, санитарные услуги, трамваи, автобусы, подземки, школы, пожарные услуги, амбулансы, детские площадки, общественные купальни, уборные, парки питьевые фонтаны, леса для пикников со всеми удобствами библиотеки, музеи, зоологические и ботанические сады и многое другое.

«Словом, заключает Кропоткин, мы имеем перед собою сотни учреждений, возникших очень недавно и распространяющихся с необыкновенною быстротою, основанных на началах приближения к коммунистическому пользованию целыми обширными отраслями потребления».

К этим словам мы можем прибавить что в моменты национальных потрясений или бедствий, когда государство ослабевает и все чувствуют его немощь и небоятся больше его, как правило, начинается стихийное коммунистическое движение в производственной области — работа сообща. Это наблюдалось в 1917-19 годах в России когда земледельческие и промышленные коммуны, артели и кооперативы зарождались в большом числе; так было и в Соединенных Штатах в годы, немедленно последовавшие за биржевым крахом 1929 года, когда безработица и промышленный застой охватили всю страну.

Трудно не согласиться с Кропоткиным что эти тенденции есть «облики» будущего, которые дают указания на производственные и потребительские отношения в будущем обществе. Вот на таких реалистических основах и нужно строить идеал будущего общества, а не выводить его из фантазии или из головы. Жизнь во всей ее совокупности, основа философии и социального идеала Кропоткина.

В политической области Кропоткин нашел, что происходит процесс эмансипации от власти государства и церкви и что эта освободительная деятельность в недрах современного общества отливается в формы небольших и самых разнообразных союзов, которые растут с поразительной в сравнении с прошлым, быстротой.

«В настоящее время, говорит Кропоткин, замечается сильное стремление к созиданию, помимо Государства и Церкви, тысяч и тысяч небольших союзов для удовлетворения всевозможных потребностей... То, что прежде было неоспоримой обязанностью Государства и Церкви, теперь составляет отрасль деятельности свободных организаций. Это направление делается все более и болое видимым. Достаточно было, чтобы дуновение свободы немного обуздало Церковь и Государство, чтобы свободные организации начали появляться тысячами. И можно предвидеть, что как только права этих двух вековых врагов свободы будут еще больше ограничены, сейчас же еще шире разовьют свою деятельность свободные организации.

«Будущее и прогресс, заключает Кропоткин, лежат в этом направлении, а Анархия есть выражение того и другого».

Это несомненно верно. Сказанное вполне подтверждается Русской Революцией 1917 — 1921 годов. Тогда государство и церковь были повержены и валялись в прахе, страна же начала жить полной жизнью. В бесконечном числе появились всякие организации; пробудилась самодеятельность в народе; все административно-географические единицы стремились к расширению своей свободы и независимости, включая сюда деревни и города с их районами, подрайонами, кварталами и домовыми комитетами; а с восстановлением же большевиками попранного государства эта жизнь начала замирать и совершенно замерла с установлением всесильного тоталитарного государства: в стране водворилась кладбищенская тишина и государственное крепостное право. То же самое случилось и с некоторыми другими странами Европы и Америки. Но это явление преходящее и не органическое и потому продолжаться долго не будет.

Выявив элементы будущего в настоящем, которые выражают тенденции к экономическому равенству и свободе, построив на них идеал анархического коммунизма, Кропоткин призывает к борьбе за условия, способствующие прогрессивному росту наметившихся тенденций, за реализацию идеала во всей его полноте. Эта борьба, по необходимости, является борьбой революционной, ибо ни церковь, ни Государство со стоящими за ними господствующими классами не желают устраниться добровольно. Это Кропоткин понимал превосходно и он принял революционную борьбу и революцию, которые как будто бы пртиворечат его основному эволюционистскому взгляду, его натуралистическому детерминизму. Он принял это и не впал в исторический фатализм марксистов, ни в механический фатализм натуралистов, в котором его несправедливо обвинял покойный Малатеста. А не впал он в фатализм потому, что сумел понять и показать другим, что эволюция совсем не значит движение прогресса черепашьими шагами и что отрицание свободной воли совсем не значит, что человек перестает быть активным и сознательным агентом эволюции и что он не в состоянии оказать какое бы то ни было влияние ни на ускорение, ни на замедление развития своего собственного общества, общества людей, человечества. Конечно, усилия одного человека слабы, но совокупность всех усилий всех людей производит силу, которая является фактором в историческом развитии человеческих коллективов и человечества в целом. Кропоткин все это понимал, но рассматривал все это как явления все той же самой природы. «Я постепенно начал понимать, пишет он в «Записках Революционера», что революции, т. е. периоды ускоренной эволюции, ускоренного развития и быстрых перемен, так же сообразны с природой человеческого общества, как и медленная постепенная эволюция, наблюдаемая теперь в культурных странах. И каждый раз, когда темп развития ускоряется и начинается эпоха широких преобразований, может вспыхнуть гражданская война в более или менее широких размерах». Революция для него — явление природы, веха на пути эволюционного развития человечества, как составной части природы, сознательной ее части, которая умеет ставить цели и добиваться их. Кропоткин сам был активным и сознательным агентом этого природного процесса, стремился влиять на его скорость и на его направление. Поэтому для него состоял «вопрос не в том, как избежать революции — ее не избегнуть, — а в том, как досстичь наибольших результатов при наименьших размерах гражданской войны, т. е. с наименьшим числом жертв и, по возможности, не увеличивая взаимной ненависти». Поставив так вопрос, Кропоткин ищет его разрешение и находит в том, что «угнетенные должны составить себе возможно более ясное представление о том, что им предстоит совершить, и проникнуться достаточно сильным энтузиазмом». Другими словами, успех борьбы, успех революции обусловливается знанием целей и живым представлением идеала, обусловливается сознательностью. Кропоткин совершенно не допускает возможности какого бы то ни было разрушения старого «без того, чтобы уже в момент разрушения и борьбы, ведущей к разрушению, не представляли себе в уме, что займет место того, что желают разрушить». Звать к разрушению, не зная, чем заместить разрушенное, он называет обманом и самообманом. «Сказать людям «давайте сначала разрушим капитализм или самодержавие, а потом увидим, что поставить на их место»,

значило бы просто обманывать себя и других».

Кропоткин, следовательно, требует, что делает и Бакунин, чтобы сама борьба за новые формы будущего несла в себе конструктивные элементы, чтобы разрушаемое немедленно замещалось ясно осознанными формами новой организации общества, а это значит, что уже в предреволюционный период в массах должна быть развита творческая самодеятельность, навык к построительной работе. Успех борьбы требует, как непременного условия, чтобы революция была насыщена творческой самодеятельностью масс, их навыком к построительной, конструктивной работе, ибо «в последнем случае исход борьбы будет зависеть не столько от ружей и пушек, сколько от творческой силы, примененной к переустройству общества на новых началах. Исход будет зависеть от **созидательных** общественных сил, перед которыми на время откроется широкий простор, и от нравственного влияния преследуемых целей».

Необходимость конструктивизма, как условия успеха революции, нашла полное оправдание в русской революции и будет находить и в революциях других народов, если эти народы не сумеют отстоять от государства право на широкую творческую самодеятельность, если они поверят государству и положатся на него. Кропоткин наблюдал развитие русской революции и от его взора не ускользнуло недостаточное наличие навыков в построительной работе и он с горечью отметил это в предисловии к брошюре «Анархическая Работа во Время Революции» (русск. изд. 1919 г.): «пересматривая эту брошюру, я могу только все время чувствовать на основании урока русской революции, насколько необходим был призыв именно к построительной работе самих масс для успеха переворота. Как безнадежна революция, если она не проникнется этим основным началом».

В этом же году Кропоткин сделал примечание к цитируемым им (статья «Наемный Труд в Коллективистском Обществе» в книге «Хлеб и Воля») — словам Прудона: «Разрушая, мы будем создавать». В этом примечании мы находим формулировку всех его конструктивных мыслей, которые высказывались им во всех его произведениях.

«Теперь, когда мы видим из опыта, как трудно бывает «создавать», заранее не обдумав весьма тщательно, на основании изучения общественной жизни, **что и как** мы хотим создать — приходится отказаться от изречения предполагаемого творца и хозяина природы и сказать — «Создавая, разрушу!»

Мы не можем упрекнуть Кропоткина, что он не призывал заранее обдумывать **что и как создавать**; мы не можем его упрекнуть в отсутствии в его философии конструктивизма. Почти во всех его книгах и брошюрах, исключая «Речи Бунтовщика», конструктивизм бьет с каждой страницы; все его работы насыщены прямыми и косвенными призывами к творческой самодеятельности народных масс, которая, по его совершенно правильному мнению, в предреволюционный период, может успешно развиваться в рабочих союзах, в рабочих кооперативах и в другого рода бесчисленных организациях и ассоциациях.

Реалистичность, конструктивность и научность анархической философии не подлежит сомнению. Эти качества кропоткинской философии — залог того, что Анархия, т. е. подлинная свобода, и коммунизм имеют все данные на реализцию и совсем не в отдаленные времена.

Г. Максимов.

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ КРОПОТКИН.

(1842 — 1942)

Петр Алексеевич Кропоткин родился в 1842г. в стариннейшей аристократической семье, ведущей свою родословную от Рюрика. Первоначальное воспитание он получил дома, а потом в пажеском корпусе. Пребывание Кропоткина в корпусе совпало с периодом, когда Россия, после крымскогго поражения, вступила в новую фазу политической и культурной жизни, борясь со старыми формами общественности, понятиями и крепостническими идеалами.

Кропоткин вышел из корпуса в 1862 г. широко образованным с демократически-свободными убеждениями и отправился в качестве офицера амурских казаков, в Сибирь, где и жил по 1867 г., занимаясь изучением общественных вопросов, геологией и географией. Там же, под впечатлением подавления польского бунта, он пришел к убеждению, что оставаться на военной службе он не может.

Вернувшись в Петербург, он поступил в университет на математический факультет. Пять последующих лет Кропоткин посвятил занятиям в университете и научным работам для географического общества, секретарем которого он был.

В 1872 г. он уехал в Швейцарию, где познакомился с западно-европейским рабочим движением, расколовшимся на два течения — марксистское и бакунистское. Кропоткин присоединился к последнему, хотя с Бакуниным не встречался и знаком не был.

В этом же году, по возвращении из заграницы, он вступил в кружок чайковцев, столь известный в истории русского революционного движения по выдающимся лицам, которые впоследствии приняли участие в деле 1-го марта (убийство Александра II).

Став членом кружка, Кропоткин повел революционную пропаганду среди петербургских рабочих, кончившуюся его арестом в 1874 г., заключением в Петропавловскую крепость и побегом из нее в 1876 году. Через Норвегию Кропоткин бежал в Англию, где прожил около

года, а потом уехал в Швейцарию, где жил по 1881 г., принимая активное участие в революционном движении, возглавлявшемся Юрской Федерацией.

В 1879 году Кропоткин начал редактировать «Ле Револтэ» (журнал «Бунтарь»), где в ряде статей научно обосновал доктрину коммунистического анархизма. В 1881 году его выслали из Швейцарии, а в 1883 г. он был арестован во Франции за принадлежность к «Международной Ассоциации Рабочих» и приговорен к 5 годам тюрьмы. Под давлением общественного мнения и требований выдающихся ученых и артистов его освободили из тюрьмы через три года, в 1886 году.

С этого года до 1917 г. он жил в Англии, где много работал над теми трудами, которые составили ему мировую известность, как теоретика анархического коммунизма и ученого.

Теоретическая деятельность Кропоткина разбивается на две части: критическую и позитивную, в которой он обосновывает практическую осуществимость анархии.

Кропоткин подверг беспощадной и резкой критике институт государства, частной собственности, понятия законности, свободы, парламентаризм.

Характеризуя парламетарный строй, он указал на бессилие парламента изменить что-либо в экономических отношениях, как бы ни изменялись политические формы правления, как бы демократичны ни были выборы. Свобода добывается открытой революционной борьбой, почти всегда вопреки воле парламента, и узаконивается лишь после того, как восставший народ фактически этой свободой уже пользуется, когда становится ясным, что никакой жестокостью не лишить народа завоеванной свободы. Парламентаризм никогда не предотвращает войн. он по существу централистичен и не допускает народной самодеятельности — этого главного фактора общественного развития, и не поддается реформе ни правом отзыва депутатов, ни краткостью срока их полномочий, ни всеобщностью выборов.

«Государство, говорит Кропоткин, со своей чиновничьей иерархией и с тяжестью лежащих на нем исторических преданий, не может не быть тормозом нарождению нового общества, свободного от монополий и эксплоатации» Поэтому все силы должны быть направлены на уничтожение государственных форм общежития и установления безвластного строя, гарантирующего свободное развитие свободных людей. Но для достижения этой цели необходимо иметь ясное представление о технике борьбы, о технике массовой революции, единственно могущей осуществить поставленный перед собою идеал.

Не важно, что борьбу за идеал ведет меньшинство. Кропоткин полагает, что в момент взрыва социальной революции это меньшинство может сделаться большинством, если его действия будут соответствовать потребностям общества. И это перерождение масс может произойти под влиянием революционного настроения, зарождающегося стихийно в моменты социальных потрясений, поступков отдельных лиц, их смелости и самопожертвования, коллективных актов революционного протеста.

Кропоткин отрицает необходимость революционного првительства даже в переходный период, как выбранного восставшим народом, так захватившего власть революционным путем. В одном и в другом случае власть попадает в руки не тех людей, которые революцию подготовляют, а в руки краснобаев, журналистов, адвокатов, не связанных непосредственно с массами. Вообще, говорит Кропоткин, само понятие «революционное правительство» противоречиво: «революционное» отрицает правительство, а «правительство», означающее порядок, отрицает революцию

Возможность осуществления анархического коммунизма Кропоткин обосновывает в своей книге «Хлеб и Воля».

Он доказывает цифровыми данными, что при современном положении техники сумма произведенных благ настолько велика, что вопрос о пропитании населения даже во время революции не составит ни малейшего затруднения. Это пропитание происходит путем обмена городской индустрии на продукты земледелия, а не путем доставки в определенное место определенного количества продуктов питания, т е. не путем выполнения разверсток, что должно вызвать, по мнению Кропоткина, возмущение «гораздо более опасное, чем вандейское восстание в эпоху великой французской революции». Для успеха революции необходимо сейчас же решить жилищный вопрос, т. е. экспроприировать дома, провозгласить бесплатность помещений и право каждой семьи на жилище.

«Вопрос снабжения общества одеждой должен быть решен на первые дни экспроприацией лавок и складов, но отнюдь не предметов непосредственного пользования, находящихся во владении отдельных лиц».

Кропоткин допускает в будущем анархокоммунистическом обществе необходимость роскоши, что разнообразит монотонность будничной жизни с ее заботами о хлебе насущном. Литературно-артистическая деятельность получит новый импульс к свободному творчеству и развитию, труд станет приятным развлечением, разделение труда должно быть уничтожено, промышленность децентрализована, государство со своими писанными законами и принуждением будет заменено обществом, основанном на силе договора.

«Свободное соединение единиц в группы, групп в союзы — вот форма будущего общества». В таком обществе не будет тюрем: «мягкое обхождение с преступниками, нравственное воздействие и свобода будет противодействовать злу».

Максималист.

ПЕТР КРОПОТКИН О КАРЛЕ МАРКСЕ И МАРКСИЗМЕ.

Проблема: присуща ли экономическому изменению рациональная цель или нет, была одной из центральных для научной социологической мысли прошлого столетия. В девятнадцатом столетии, чтобы перекинуть мост через пропасть, отделявшую эволюционное изменение от социального прогресса, было построено, самое меньшее, четыре великих философских системы: Огюста Конта во Франции, Герберта Спенсера в Англии, Карла Маркса в Германии и Лестера Уорда в Соединенных Штатах.

Карл Маркс на разрешение этой проблемы вложил свыше сорока лет труда и пришел к выводу, что история имеет возвышенную цель. Капиталистическая система ,утверждал он, благодаря присущему ей процессу, движется к более высокой социальной организации, а именно: к социализму. Несмотря на то, что этот вывод Маркса не мог быть подтвержден строго убедительными доказательствами и остался предметом социальной веры, тем не менее его система сделалась наиболее влиятельной из всех выше названных систем и во многих отношениях оказалась системой, делающей эпоху. Однако со стороны выдающегося революционера Петра Кропоткина ни одна из указанных четырех систем не привлекала к себе так мало внимания и не вызывала так много критики, как наиболее революционная из них — марксизм.

В разговорах с друзьями на темы о Первом Интернационале или о русском революционном движении, Кропоткин резко отзывался о Марксе и еще резче об Энгельсе, который, по его мнению, оказывал на Маркса самое худшее влияние. 1)

К сожалению, до сих пор очень мало опубликовано из критики Кропоткина и его наблюдений, касающихся природы и направления вклада, сделанного Марксом в революционную мысль. Вследствие этого изучение следов Кропоткинских идей, бросающих некоторый свет на этот столь противоречивый предмет, приобретает большую важность и, между прочим, это окажет содействие серьезной социально-философской дискуссии в наше время и в грядущие годы.

Наиболее откровенным документом, неизвестным для широкой массы последователей и друзей Кропоткина, является его письмо к пожизненному другу Джемсу Гильому (1844-1916), не так давно опубликованное д-ром Максом Неттлау, неутомимым историком либертарного движения 19-го столетия. 2)

Гильом — сын швейцарца французского происхождения — родился в Лондоне, был активным деятелем швейцарского революционного движения, главным образом в Юрской Федерации (Романская Федерация, 1869-1878), к которой как известно, примыкал и П. Кропоткин. Под влиянием Бакунина Гильом отказался от своих первоначальных идей развития личного совершенства и обратился к развитию массового самосознания и солидарности, как средств социальной революции. Он был одним из главных помощников Бакунина в анти-авторитарной группе Интернационала и последовал за Бакуниным при разрыве с марксистами.

Письмо Гильому написано Кропоткиным в ноябре 1903 года, (в опубликованной в русском переводе коллекции писем Кропоткина оно стоит под №71). Это письмо может рассматриваться ответом на позорную заметку Гильома относительно еврейской умственной черты, игравшей роль в образовании доктрины Маркса и, вдобавок, о проявлении пагубного влияния на социал-демократическое движение, так часто руководимого лицами еврейского происхождения. Ссылаясь на это обвинение, Кропоткин писал следующее:

«Я думаю, что ты заходишь слишком далеко, говоря об евреях. Если бы ты только знал наших евреев — анархистов в Уайтчапеле и в Нью-Йорке! Среди них есть такие славные — такие же славные, как наши Юрцы — и совершенная преданность! Опять-же, именно они понесут анархию в Россию — наши издания, наши идеи, наш журнал («Хлеб и Воля», Женева). Славные товарищи.

«Правда, еврейский дух особенно любит систему. Он диалектичен, как у стольких других людей Востока. И потому Лассаль и Маркс— их национальная слава. Система для еврейского духа — это существенно, а кроме того, им, столь долго угнетаемым, льстит, что социализм открывает им свои двери без различия расы. Они убеждены, что эти слова в Уставе Интернационала написаны Марксом.

«...Нет, раса здесь не при чем. Социал-демократами будут все те, кто не захочет слишком рисковать, но будет слишком честолюбив, чтобы не желать играть политическую роль. Подумай о тех, кто покинул нас, чтобы перейти в другой лагерь: **Честолюбцы,** прежде всего...» «...Воздадим должное тому, что он (Маркс) вошел в Интернационал. Поблагодарим его за памфлет, который он написал: («Исходя из вашей буржуазной экономии, я докажу вам,что вы

1) «Посещение П. Кропоткина в 1905 г.»,Д-р Брунбахер, Сборник памяти Петра Кропоткина, сост. Иосифом Ишилл, стр. 91-96; Берклей, Н. Дж., 1923.

2) См. коллекцию писем Кропоткина, напечатанных в «Пробуждении», февраль, 1931, Детройт, Мич.

грабите рабочего»), но если он говорит нам о научной ценности своих работ, тогда — нет!

«Капитал» ... это огромный революционный памфлет, написанный научным жаргоном».

В этом письме, до края наполненном подлинной любовью к страждущему человечеству и хорошим юмором, мы видим, во-первых, что, по мнению Кропоткина, еврейская раса, как таковая, ни в какой мере не ответственна ни за теорию, ни за практику социал-демократического движения — заблуждение, жертвой которого, повидимому, стал Гильом в престарелом возрасте; во-вторых, в слегка завуалированном виде обнаруживается основная причина оппозиции Кропоткина к марксизму, как лже-науке.

Остановимся на этих двух пунктах.

Намеки на специальный еврейский ум, склонный к некоторого рода диалектике или систематике, могут быть найдены в двух позднейших статьях Кропоткина: «Национальный вопрос» и «Анархизм и Сионизм», напечатанные им в 1907 г. в 16 и 18 номерах, соответственно, в русском лондонском журнале «Листки, «Хлеб и Воля». Но раньше этого, приблизительно во время написания длинного письма Гильому, Кропоткин имел случай высказаться с большой полнотой о склонности еврейских рабочих к революционной деятельности. Это было сделано в письме к группе еврейских рабочих Лондона, март, 1904 г., которая издала в еврейском переводе его «Записки Революционера». 3)

Мы обращаем внимание читателей только на заключительную часть этого замечательного письма, которое, вероятно, было написано под свежим впечатлением от лживой клеветы на евреев, содержавшейся в цитированном выше письме заблудившегося друга.

«Еврейские рабочие приняли видное участие в великом движении, которое началось в России в последние годы. И не только юные герои мужественно выступили вперед, не страшась смерти и гибели в тюремных одиночках, в снегах холодной Сибири, но и большое число еврейских рабочих больших и малых городов не устрашились энергично и мужественно восстать против столетнего угнетения, открыто и свободно провозглашая перед всем миром свои требования и надежды на окончательное освобождение от столетнего рабства. Я сердечно желаю, чтобы мои «Записки» помогли еврейской молодежи уяснить многие проблемы современного движения против всеразрушающей силы существующего капитализма и власти...

«Я буду счастлив, если хоть один из преследуемых капиталом и властью, сосланных в отдаленные места России, прочтет эти строки и узнает, что он не один на поле брани. Да будет ему известно, что он, идя на борьбу за тех, кто создает все богатства и в награду получает только нищету, уже тем самым становится участником великого дела — великой борьбы, которая повсюду ведется за свободу и счастье всего человечества; что он вступает в семью рабочих всего мира, объединившихся в великое братство, требующее свободы и равенства для всех.»

Возвращаясь ко второму пункту, поднятому в анализированном выше письме к Джемсу Гильому, Кропоткин на следующем основании приписывает еврейским рабочим обожание Карла Маркса: вероятно, они видели в Марксе автора идеи справедливости и равенства для всех верований и рас, как выражено в уставе Международного Товарищества Рабочих (Первый Интернационал). Когда Кропоткин писал письмо Гильому (ноябрь, 1903 г.), обширная переписка между Марксом и Энгельсом еще не была опубликована. Если бы ее содержание было известно Кропоткину, то, конечно, его мнение о Марксе было бы гораздо ниже.

В письме, адресованном Энгельсу (ноябрь 4, 1864 г.), Маркс описывает свое участие в окончательной редакции текста введения к уставу Интернационала. Он довольно откровенно говорит в нем, что слова «права» и «обязанности», упомянутые дважды, и фразы об «истине, нравственности и справедливости» были вставлены позднее и не им.

Остается открытым вопрос: кто вписал слова «без различия цвета, веры и национальности»? Макс Неттлау, опубликовавший вышеупомянутую коллекцию писем Кропоткина, отвечает так. Поскольку эти слова выражали в то время общее чувство протеста против рабства негров, против религиозной нетерпимости и национальной ненависти, поскольку эти выражения были просто продуктом особого для того времени настроения всех людей доброго расположения, вследствие этого вообще не может быть вопроса о том, Маркс ли или кто другой из членов редакционной комиссии (Маркс, Лелювет, Вестон) был автором этих немногих слов, которые, согласно Кропоткину, могли иметь особый притягательный призыв для еврейских революционных рабочих.

С другой стороны, с опубликованием четырех объемистых томов переписки Маркса-Энгельса, имевшее место за несколько лет перед первой Мировой Войной, строгий отзыв Кропоткина об Энгельсе, вернее об его вредном влиянии на Маркса, с которым мы познакомились в начале данной статьи, явно требует пересмотра. Мы приведем по этому случаю выдержку из комментарий Макса Неттлау на уже упоминавшуюся нами статью Брупбахера в сборнике Ишилла: «Эти четыре объемистых тома, говорит Неттлау, содержат такой обильный интимный материал, касающийся действительных отношений между Марксом и Эн-

3) Это письмо перепечатано в «Сборнике» Ишилла, стр. 189-190, а также приведено в статье Рудольфа Рокера: «Петр Кропоткин и Еврейские Робочие в этом же сборнике, стр. 78-86.

гельсом, что ранее высказанные мнения на этот счет не могут считаться окончательными».

Из этой нашей, можно сказать, случайной попытки проникнуть в суть интересующего нас предмета, который заслуживает гораздо более обширного исследования, вытекает одно замечательное заключение. Со всей силой своего методического и научного ума Кропоткин сознательно и открыто сделал этические, моральные принципы величайшим объектом, даже абсолютной ценностью и социологической значимостью. Кропткин не рассматривал марксизм не последней причиной его отношения к огромному продукту Марксвой мысли, может быть, и является злополучное пренебрежение Марксом всех высоких, благородных человеческих стремлений — истинной пробы человечности.

Из двух великих, Кропоткин, а не Маркс, пожалуй, больший, истинный реалист в отношении человеческой природы. Как ученый и гуманист, Кропоткин, следуя по стопам своего великого учителя Прудона, знал слишком хорошо, что только при спайке знания и сознания человечество в состоянии приобрести нужную основу для своего материального, умственного и духовного прогресса.

Д-р Герман Франк
Редактор «Фрайе Арбайтер Штимме»

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О П. А. КРОПОТКИНЕ.

В. Н. Фигнер просила Н. А. Чарушина, члена кружка «Чайковцев», написать свои воспоминания о П А. Кропоткине. В ответ на эту просьбу и было получено от Чарушина настоящее письмо от 3-го января 1924 г.

...К сожалению, несмотря на мое искреннее желание исполнить вашу просьбу, я не сумею надлежащим образом это сделать за неимением у меня должного для этого материала. Дело в том, что до вступления П. А. в кружок, что приблизительно имело место в конце 72-го года, я с ним не встречался; в позднейшее же время мои встречи с ним происходили по преимуществу на общих собраниях кружка, в особенности же когда он зачитывал свой проэкт программы последнего (уже в 73 году).

Ко времени вступления Кропоткина в кружок, направление деятельности его уже определилось: кроме издательской, пропагандистской и организационной деятельности среди интеллигентных кругов, чем кружок почти исключительно занимался до 1872 г., в этом году он решительным образом ставит уже одной из основных задач пропаганду и организацию среди рабочих и крестьянства, как почти единственной у нас базы, опираясь на которую можно было рассчитывать в более или менее отдаленном будущем на политическое и социальное освобождение. Теперь в эту сторону и были направлены главные силы кружка. Несомненно, успех в этой новой области деятельности в особеннсти же в рабочей среде, воодушевлял нас всех, что несомненно сказалось и на П. А., всецело отдавшемся этому течению. Ему поручается литературная работа составить брошюру для народа о Пугачевском бунте, он читает лекции рабочим, а после моего ареста (в начале января 1874 г.) он вплотную работает под именем Бородина среди рабочих Выборгского района вместе с Кувшинской и другими, что, благодаря предательству двух-трех рабочих, и приводит к его аресту (в конце марта 1874 г.)

Появление Кропоткина в кружке было встречено общим сочувствием. Небольшого роста но хорошо сложенный, с огромной русой бородой, доходящей чуть не до пояса, с живым взглядом и выразительным умным лицом, П. А., благодаря своей необыкновенной простоте, живости и искренности, сразу же завоевал общие симпатии и полное доверие к себе. Несмотря на то, что он был старше многих из нас лет на 7—10 и уже пользовался известностью в ученом мире, своим вступлением в кружок он не внес никакого диссонанса в нашу дружескую и крепко сплоченную семью.

Кружок «Чайковцев», как и его отделения в других городах, никогда не поддавался иллюзиям о близкой революции, а потому и был решительным противником начавшегося в 73 году анархического движения среди молодежи, движения известного под кличкой «вспышкопускательства». Полагаю, что я не ошибусь, если скажу за всех, что кружок на свою революционную деятельность смотрел лишь как на подготовительную работу, которая потребует многих и многих лет упорной борьбы и еще больших жертв, прежде чем наступит желанный момент. Поэтому нас как-то мало тогда занимали программные вопросы, но я все же думаю, что в глубине души все мы были государственники. Кропоткин же и тогда несомненно был с значительным уклоном в сторону анархического течения, о чем свидетельствует и составленный им в 1873 г. по поручению кружка, проэкт программы последнего. Обсуждение этого проэкта, сопровождавшегося горячими прениями, заняло несколько собраний кружка. Обширная рукопись эта, фигурировшая затем в процессе 193-х в качестве программы «чайковцев», не была напечатана, не была сообщена отделениям и кружкам, и полагаю, лишь потому, что она не была признана полной выразительницей взглядов организации. Помню, как во время обсуждения этого проэкта программы, П. А. предлагал и горячо защищал идею организации боевых крестьянских дружин для

открытого вооруженного выступления не для победы, конечно, в которую в близком будущем он тоже не верил, а лишь для того, чтобы кровью своей запечатлеть это революционное выступление в уме и сердце народа. Но предложение это не встретило сочувствия. Позднее, уже в 74 г., когда начался разгром «Чайковцев» и их рабочих организаций, Кропоткин, остававшийся еще на свободе, снова возвращался к этому вопросу и горько сетовал на то, что в свое время его не послушались и что вот теперь безплодно погибнут лучшие силы, каковые могли бы погибнуть более ярко, оставив после себя несомненный след в истории революционного движения.

При своем аресте Кропоткин, как и большинство «Чайковцев», категорически отказался от дачи показаний, что при сложности дел и взаимоотношений было самое лучшее. Поэтому то и в обвинительном акте и на суде деятельность кружка и состав его освещались лишь отрывочными и часто неверными показаниями посторонних кружку лиц, вроде Низовкина и немногих невыдержавших рабочих, уродливые показания которых видимо писались под диктовку жандармов.

В тюрьме с Кропоткиным встретиться мне не было суждено. Затем, после своего побега, он уехал заграницу, а меня увезли на далекую Кару.

И только почти через 45 лет я снова встретился с ним в Петрограде летом 1917 года, когда я посетил его на даче за Черной Речкой, где он тогда проживал. Понятно, что за этот долгий промежуток времени он сильно изменился: седина была и на голове и в бороде, черты лица его как-то расплылись, а здоровье видимо значительно пошатнулось. Говорил он со мной полушепотом (жаловался на простуду), хотя и собирался в тот же вечер выступать на одном солдатском собрании. Несмотря на его недомогание, встреча была сердечная, такая же простота, приветливость и задушевность, что были и раньше. Вспоминали далекое прошлое, затем он перешел к европейским делам, говорил о германском и английском рабочем движении, причем к характеру первого относился с видимым несочувствием за его планировку перестройки общества сверху вниз, и с несомненным сочувствием к характеру английского рабочего движения, где он видел нечто обратное в лице его производственных и иных рабочих организаций (снизу вверх), полагая, очевидно, что таким же порядком будет закончен и весь процесс переустройки общества при наличии уже приобретенных навыков и выработанной практикой соответственной психологии рабочих. Больше я с Кропоткиным уже не встречался.

Н. Чарушин.

ПЕТР КРОПОТКИН И ЕГО ФЕДЕРАЛИСТИЧЕСКИЕ ИДЕИ.

(Перевод с испанского)

Одной из наиболее интересных сторон политической мысли Кропоткина является федералистическая идея, постоянно выдвигаемая Кропоткиным в качестве одного из основных факторов анархической идеологии. Несмотря на то, что эта идея не является систематической теорией у Кропоткина и что она не совсем ясно отличается от федералистичекого учения Прудона или Бакунина, она тем не менее имеет особенные черты, представляющие интерес для исследователя.

Для такого исследования необходимо совершить биографическую экскурсию, бросающую свет на основные начала федералистической мысли Кропоткина в отношении к среде, в которой эта мысль развилась и оформилась. Тилгер говорит следующее о Кропоткине:

«Нельзя понять дух анархического движения, если мы его не рассматриваем исторически, как резкую и коренную реакцию против борьбы, ведшейся в течение девятнадцатого века за укрепление института государства».

Кропоткин, князь-анархист, представляет из себя наилучший пример подтверждения этого положения.

Девятнадцати лет от роду, он поехал в Забайкалье, где он проявил рьяный интерес к великим реформам, проводимым правительством в 1862 г. В качестве секретаря правительственных комиссии, он соприкасался с лучшей и наиболее культурной частью гражданского чиновничества.

Начав изучать различные проэкты местной администрации, он скоро увидел, что реформы, предложенные начальниками округов и поддержанные генерал-губернатором, были подчинены указам и давлению, исходившим от центрального правительства. Административная жизнь раскрыла перед ним бесконечное количество нелепостей в системе и методах работы. Убедившись в невозможности продолжать свою работу, Кропоткин решил принять участие в экспедиции, направленной в Приамурье.

Во время бури, разразившейся на Амуре, сорок барж, груженных мукой, потонули в реке. Эта катастрофа дала ему возможность ознакомиться с бюрократическими методами работы. Власти отказались верить, что такое бедствие могло приключиться. Что касается петербургских чиновников, заведующих сибирскими делами, то они проявили полнейшее невежество во всем, касающемся Сибири. Одно высокопо-

ставленное лицо в разговоре с Кропоткиным выразило полное изумление по поводу того, что случилось на Амуре. «Но, дорогой, как это возможно, что на Неве, скажем, баржи тонули и никто не бросился бы их спасать».

Когда Кропоткин указал в своем ответе, что Амур в четыре раза шире чем Нева, изумленный вельможа сказал: «Неужели, действительно, Амур так широк?», меняя тему разговора в очевидной досаде, что столь пустой предмет был навязан ему в беседе.

Кропоткин поехал в Манчжурию, уже проявив к этому времени недоверие к центральному правительству. Возможно, что он думал о петербургских бюрократах, когда на китайской границе чиновник Небесной Империи не хотел визировать его паспорт, потому что последний был написан на обыкновенном листе писчей бумаги, проявив, однако, величайшую почтительность в отношении «Московских Ведомостей», представленных ему вместо паспорта.

Причисленный к штату Сибирского генерал-губернатора по казачьим делам, Кропоткин предпринял тщательное исследование экономических условий жизни Уссурийских казаков. По возвращении в Петербург он был поздравлен с повышением и специальной наградой. Но меры, предложенные им, не были приняты, ибо чиновники, продолжавшие свои хищения и измывательства над крестьянами, не сочли нужным что-либо предпринять для улучшения скота и для скорого преодоления последствий голода.

«И так дело шло повсюду, начиная от Зимнего Дворца до Уссурийского края и Камчатки. Высшая сибирская администрация имела самые лучшие намерения. Опять повторяю, состояла она, во всяком случае, из людей гораздо лучших, гораздо более развитых и более заботившихся о благе края, чем остальные власти в России. Но все же то была администрация — ветвь дерева, державшегося своими корнями в Петербурге. И это было вполне достаточно, чтобы парализовать все благие намерения и мешать местным самородным проявлениям общественной жизни и прогресса.

«Если местные жители задумывали что-нибудь для блага края, на это смотрели подозрительно, с недоверием. Попытка немедленно парализовалась не столько вследствие дурных намерений, но просто потому, что сибирские власти принадлежали к пирамидальной, централизованной администрации. Уже один тот факт, что они были частью правительства, находившегося в далекой столице, заставлял сибирские власти смотреть на все, прежде всего, с чиновничьей точки зрения. Раньше всего возникал вопрос не о том, насколько то или другое полезно для края, а о том, что скажет начальство там, как взглянут на это начинание заправляющие правительственной машиной. Интерес страны отходил на второй план».

Рядом с этим сознанием неспособности центральных административных органов, наблюдения над ролью свободных ассоциаций, сделанные Кропоткиным во время его путешествий по Сибири и Манчжурии, тоже содействовали выработке анархического миросозерцания. Кропоткин ясно осознал роль, которую играли безвестные народные массы в великих исторических движеиях и в развитии цивилизации. Это сознание, как мы увидим позже, оказало глубокое влияние на его социологическую критику и легло в основу его методов исторических изысканий.

В Швейцарии, его федералистический уклон получил дальнейшее направление, благодаря его соприкосновению с Юрской Федерацией, которая в 1872 г. проявила значительную самостоятельность и безвластнические тенденции. Нужно добавить, что передовики Юрской Федерации были в то время проникнуты анархическими, т. е. в основе федералистическими, идеями Бакунина.

Кропоткину, как он сам заявил, никогда не пришлось лично встретиться с Бакуниным.

Возвратившись в Россию, Кропоткин вошел в контакт с группами левой интеллигенции и вновь убедился в безполезности попыток возродить страну посредством земств. Эти попытки попали под правительственное подозрение, как сепаратистские тенденции или как стремление образовать государство в государстве. Они преследовались до такой степени, что малейшая попытка улучшить сельскую администрацию в отношении здоровья населения или школьной системы кончалась постыдным крахом и часто гибелью целых групп земцев.

Перед вторичным отъездом из России, Кропоткин предпринял другую попытку работать в органах местного самоуправления, хотя эта сторона его деятельности привлекла лишь малое вниманье. Унаследовав отцовское имение в Тамбовской губернии, он поселился там, посвятив все свои силы работе в местном земстве. Он, однако, еще раз убедился, что попытки открывать новые школы, создавать кооперативы или образцовые фабрики лишь увеличивают число жертв центрального правительства.

Статьи Кропоткина, напечатанные в Женевском «Революэ» (1879-1882) ясно показывают, что его наблюдения над работой административной системы в западных странах дали ему новый материал для его критики государства, подтвердив его федералистические и свободнические идеи. Все страны, где существовал политический централизм, управлялись могущесвенной бюрократией.

«Государство создает целую армию чинуш, этих паукообразных обитателей затхлых канцелярий, которые видят весь мир сквозь запыленные стекла и груды безсмысленных бумаг, написанных безсмысленным языком».

Централизм, имеющий своим последствием чрезмерную бюрократию, был для Кропоткина неотъемлемой чертой парламентского строя. В последнем он видел триумф бездарности. Он с изумительной иронией описывал админист-

ративную и законодательную деятельность членов парламента, судящих и рядящих мало знакомые им предметы и голосующих по вопросам безконечного разнообразия, возникающих в гигантской машине централизованных государств.

«Он (депутат парламента) будет голосовать по вопросу о налоге на собак и о реформе университетского образования, никогда не бывши в университете и не зная, что собой представляет деревенская собака. Он высказывается о преимуществе ружья системы Гранта, а также о том, как и где устроить конные заводы. Он голосует по вопросу о филоксере, о низшем образовании, об оздоровлении городов, об Индо-Китае и Гвиане, о печных трубах и о переменах в Парижской Обсерватории. Никогда не видавши солдат, иначе как на смотрах, он решает вопрос о вооружении. Никогда не встретив в своей жизни ни одного араба, он составит кодекс прав для мусульманского населения Алжира. Он будет голосовать за поощрение сахарной промышленности в ущерб земледелию, и разоряет виноделие в уверенности, что помогает ему. Он голосует за насаждение лесов, против пастбищ, и за пастбища против лесов. Он голосует по вопросу о банках, как будто бы он всю жизнь изучал банковское дело. Он пожертвует таким-то каналом ради такой-то железной дороги, не зная даже в какой части страны она должна пройти. Он голосует за добавление новых статей к своду законов страны, котораго он никогда не читал. Настоящий Протей — всеведающий, всемогущий, вечно меняющий свой вид — сегодня военный, завтра свинопас, потом банкир, академик, чистильщик сточных труб, врач, астроном, аптекарь, кожевник или подрядчик — смотря по вопросам, стоящим на очереди — он будет все решать без колебаний по знаку лидера своей партии. Привыкнув, как адвокат, как журналист или митинговый оратар, говорит о вещах, которых он не знает, он и теперь будет подавать голос по всем этим вопросам, с той только разницей, что в газете статьи его служат для развлечения, что его адвокатские речи только усыпляют судей и присяжных, а в парламенте его мнение сделается законом для миллионов людей». («Речи Бунтовщика»).

Но западные страны раскрыли перед Кропоткиным не только смехотворные стороны политического строя парламентского централизма, но также и безмерную силу, которую он еще раньше имел возможность подметить в русском «мире», т. е. свободные ассоциации, обнимающие каждую отрасль человеческой деятельности; последние привели его к выводу, что «будущее находится в руках свободных ассоциаций, а не централизованного государства».

Это заключение в особенности укрепилось в нем в результате наблюдений над английской жизнью, где народная инициатива и частный почин играют большую роль, чем в славянских и латинских странах. Результатом этих наблюдений было также то, что в некоторых случаях Кропоткин придавал этим ассоциациям преувеличенное значение.

Непосредственное соприкосновение с жизнью западых стран дало новое направление научым изыскаиям Кропоткина. Географ в России, он успел стать ревностным историком в Англии. Он с энтузиазмом открыл, что общая теденция науки — «изучать вещи не на основании широких заключений, но на основании простых явлений, взятых в отдельности». История с этого момента перестает быть историей династий и превращается в историю народов. Тем лучше для исторического метода и для федералистической концепции, ибо становится ясным, что великие прогрессивные перемены в истории совершались не в королевских дворцах и парламентах, но в городах и деревнях. Посвятив себя историческим изысканиям, Кропоткин убедился в том, что чрезмерная централизация была одной из причин падения Римской Империи, и что, наоборот, «в свободных коммунах средневековья и в народных восстаниях против государства того времени мы находим одну из прекраснейших страниц истории».

Пытаясь извлечь примеры из жизни средневекового общества, Кропоткин впал в некоторые ошибки исторического объяснения, ошибки вытекавшие из того факта, что в своих изысканиях Кропоткин должен был пользоваться материалами и руководствами, значительно устаревшими и полными неточностей при свете современного иторического знания. Нельзя, однако, думать, как это было сделано некоторыми поверхностными людьми, что Кропоткин видел в первобытных и последующих коммунах воплощение золотого века. «Я никак не забываю, что столкновения и внутренние распри раздирали жизнь коммун в прошлом. Ожесточенные битвы против дворян, восстания «новых» ремесел против «старых» ремесел, кровавые возмездия, происходившие во время этих расправ.... Нет, я этого не забываю, но наряду с Лео и Ботта — двумя историками южно итальянских городов — Сисмонди, Феррари, Джино Капони и со многими другими, я утверждаю, что эта борьба сама по себе свидетельствует о вольной жизни, существовавшей в вольных городах». («Хлеб и Воля»).

Эти междоусобные распри и привели, согласно Кропоткину, к вмешательству королевской власти и к растущей тенденции городских коммун замкнуться в пределах собственных стен». («Речи Бунтовщика»).

Другим историческим полем, исследованным Кропоткиным, была Французская Революция. Кропоткин относится с неодобрением к буржуазии 1789, идеалом которой было «упразднение всех местных властей, представлявших в то время независимые единицы в государстве. Этот идеал означал сосредоточение всех правительственных сил в руках центральной исполнительной власти. Этой власти все должно бы-

ло повиноваться в государстве. Она должна держать в своих руках все отрасли управления: взимание налогов, суд, военные силы, школы, полицейский надзор, общее руководство торговлей и промышленнстью, — все!» («Великая Французская Революция»). Он упрекал жирондистов в их стремлении распустть коммуны, показывая тем самым, что их пресловутый федерализм был только программой оппозиции, в то время, как в своих действиях они стремились к той же политической централизации, что и монтаньяры.

Эпохи городских Коммун и Французской Революции были для Кропоткина, как и для Сальвамини, историческим полем развития свободнических идей. В изучении этих эпох Кропоткин нашел подтверждение своим федералистическим идеям, возникшим в результате наблюдений над русской деревенской общиной и над свободными ассоциациями. Но эти же наблюдения иногда приводили его к наивному народничеству, проскальзывающему на страницах «Хлеба и Воли».

В своем изучении социалистических теорий Кропоткин занял отрицательное положение в отношении Сен-Симонистов и так называемых утопистов, в особенности Кабэ, ибо все они основывали свои системы на принципах административной иерархии. Напротив, в отношении фаланстерских теорий Фурье, Кропоткин проявил порядочную долю энтузиазма. Он был против государственного коллективизма, ибо, как бы последний не видоизменял капиталистический строй, он, однако, оставляет нетронутым систему заработной платы, что означает замену частных хозяев одним хозяином — государством, — управляющим посредством многочисленной бюрократии. Государство неизбежно поглотит все ценности, призводимые рабочим классом, обременив хозяйство чрезмерными издержками и навязывая ему содержание огромной армии бездарных тунеядцев.... «Что требуется, напротив, это применение коллективного духа массового творчества к разрешению конкретных проблем».

Коллективный дух — это родовое понятие, обозначающее в «Хлебе и Воле» народ, общество коммуну, отправляющую правосудие, организующую жизнь и разрешающую наиболее сложные проблемы. Коллективный дух — это нечто вроде божества, описанного Саверио Мерлино с надлежащей иронией и действующего подобно хору в греческой трагедии. Но если федерализм Кропоткина и страдает некоторыми неясностями, если в основе его и лежит чрезмерная вера в политические способности масс, его законченность и всеохватывающий характер остается вне сомнений.

Федерализм может быть выдержан и целостен лишь тогда, когда он является социалистическим по содержанию и революционным в своей тактике. Законченность федералистических идей Кропоткина засвидетельствована во всех его писаниях. Следующее утверждение дает нам одну из наиболее ясных формулировок. «Федерализм и автономия сами по себе недостаточны. Федерализм сам по себе лишь слово, прикрывающее власть центрального правительства».

«Государство теперь вмешивается во все стороны нашей жизни. От колыбели до могилы оно проявляет свою власть над нами. Опекая нас то как верховная власть ,то как областное или коммунальное правительство, оно теснит нас на каждом шагу, обкладывая нас налогами, податями, повинностями, и во всем надоедает нам своим бестолковым вмешательством».

Вольная коммуна, согласно Кропоткину, это «политическая форма, которую социальная революция должна принять». Он превозносит Парижскую Коммуну, ибо коммунальная независимость, провозглашенная ею, была средством для осуществления социальной революции. Коммуна двадцатого века «должна быть революционной не только в коммунальном, но и в коммунистическом направлении, революционной не только в политике, но и в области производства и товарообмена. Коммуна или будет совершенно свободной для нужных учреждений и осущетвления необходимых революционных изменений, или же она останется на положении государственной административной единицы, скованная во всех ее действиях, участь которой предрешена в тех случаях, когда назревающие конфликты ведут к столкновению с государством».

Для Кропоткина, значит, вольная коммуна является руслом, по которому революция может достичь максимального развития.

Его федерализм стремится к «полной независимости коммун, к федерации вольных коммун и социальной революции в коммунах, т. е., к образованию вольных производственных групп вместо государственных организаций».

Кропоткин говорил крестьянам: «Когда-то земля принадлежала общинам, состоявшим из тех, которые обрабатывали землю собственными руками». Но, благодаря обману, подвохам и насилию, общинные земли перешли в частные руки... «Крестьяне должны сами организоваться в коммуны и опять забрать землю для того, чтобы передать в руки желающих ее обрабатывать». И опять: «Нуждаетесь ли вы в хороших проезжих дорогах, трактах? Тогда жители соседних коммун вступят в договор и проложат дорогу в тысячу раз лучше, чем министерство Общественных Работ. Нуждаетесь ли вы в железных дорогах? Коммуны, входящие в район, по которому железная дорога должна пройти, построят ее гораздо лучше, чем контракторы, наживающие на этом миллионы. Вам нужны школы? Вы можете сами построить нужные вам школы, и вы это сделаете гораздо лучше, чем господа в Париже». Эти цитаты из «Речей Бунтовщика» уясняют некоторые места в «Хлебе и Воле», где он говорит о том, что Коммуна распределит продукты, введет пайки на уголь и горючее, разделит и урегулирует поль-

зование землей. Под коммуной Кропоткин понимает не отделение государства, но вольную ассоциацию ее членов, ассоциацию в виде кооператива или же в виде временного союза лиц, объединенных общими потребностями.

Имеется, однако, очень характерное место в его писаниях, бросающих свет на этот вопрос:

«В настоящее время часто случается, что добрососедские отношения уступают место чувству недоверия и вражды, делающие невозможным непосредственный союз между соседними общинами. Но даже в таком случае, связь между ними не прерывается, но поддерживается окольным путем, посредством крупных центров. Небольшие, хотя и рядом лежащие поселения имеют теперь очень мало сношений между собой, а то немногое, что связыват их, скорей способствует раздорам и взаимному недоверию, чем развитию чувства солидарности. Но даже в этом случае эти деревушки поддерживают сношения с одним общим центром, без которого они не смогли бы существовать. Вопреки распрям и взаимным подозрениям, они вынуждены заключить союз посредством больших городов, куда они посылают свои продукты и где они приобретают недостающие им предметы. Они, таким образом, вынуждены принять участие в некоторой федерации для того, чтобы поддержать сношения с одним общим координирующим центром».

Здесь мы опять находим упрощенный подход к проблеме федерализма. Но чтобы воздать должное Кропоткину, мы должны иметь в виду не только то, что Кропоткин написал, но и то, что он не смог написать. Некоторые поспешные утверждения, некоторые проблемы и крайние упрощения сложных проблем обязаны главным образом материальной невозможности подробно развить свою точку зрения. Кропоткин в то время (в восьмидесятых годах) почти всегда писал для прессы, предназначенной для рабочих. Будучи всегда глубоко демократическим по духу, он отказывался витать в доктринерских небесах. Даже брошюры, написанные Малатестой — оригинальным теоретиком и человеком большой культуры — не дали полного выражения его идеям и теоретическим изысканиям. Причина этого была указана самим Малатестой в своих воспоминаниях. 'Нужно было выработать совершенно новый стиль для этих брошюр. Признаться, я часто завидовал тем писателям, которые могли посвятить страницу за страницей развитию своих идей и которые могли сказать с Талейраном: «у меня нет времени для краткости». Когда нужно сжать работу нескольких месяцев как, например, работу над вопросом о происхождении закона, в пределы пятикопеечной брошюры, тогда требуется очень много времени, чтобы быть кратким.

Кропоткин находился в тех же физических затруднениях в 1884 г. В последующие 30 лет он жил в несколько иных условиях, дозволивших ему написать целый ряд крупных книг. Но в то время он был в большей степени теоретиком, чем агитатором. Его мысль была занята историческими исследованиями и другими научными трудами, а потому можно сказать, что по свежести выражения и идеологической выдержанности «Речи Бунтовщика» и по сие время остаются лучшей **анархической** работой Кропоткина.

К. Бернери.

СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И НАШЕ ДВИЖЕНИЕ.

Размышления об анархическом движении, его идеалах и его тактике всегда полезны, а в этом году, в котором исполняется сто лет со дня рождения Петра Кропоткина, особенно своевременны.

Бакунин был предшественником Кропоткина, но последний обыкновенно и справедливо, по моему мнению, считается отцом движения.

Вопреки установившемуся взгляду, оба они рассматривали правительство, как зло, а его характер, как классовый по существу; оба видели сходство и различие между **личной** диктатурой и правлением **большинства**. Личная диктатура есть не правление одного человека, но правление человека, связанного с группой людей достаточо сильных и достаточно жестоких, чтобы совершить в интересах удержания власти, всякое преступление, и когда окончательное решение зависит от **вождя**, который является единым вождем потому, что он истолковывает желания и вожделения поддерживающей его группы. Было бы мальчишеством предположить, что Гитлер, Муссолини или Сталин обладают божескими свойствами все видеть и все знать, свойства, которые дают им возможность управлять миллионами людей против их воли. В пределах ума они руководятся личным интересом и знанием того, как далеко они могут идти в оппозиции или в истолковании вожделений своих соправителей.

Правление большинства не является правлением большинства всего населения данного государства или нации. Д-р Галлоп, известный своими пробными предвыборными подсчетами избирательных голосов, в письме в «Нью Иорк Таймс» 13 ноября 1942 г., утверждает, что «около пяти миллионов молодых людей, в подавляющем большинстве демократы, на военной службе и не голосовали» в последних выборах. Другие пять-десять миллионов переменили местожительство и, в виду затруднений, связанных с регистрацией, потеряли право голоса в этих выборах. Другие десять миллионов народа не побеспокоились пойти к избирательным урнам;

таким образом, согласно д-ру Галлопу, 20-25 миллионов были лишены права голоса, или по тем, или иным причинам, не пожелали голосовать. Тем не менее законодатели будут утверждать, что они выбраны в согласии с демократическими принципами и будут править страной в течении двух лет, начиная с 1-го января 1943 года. В восьми или десяти южных штатах не более 15-20% населения имеют законное право голосовать и не все из них в действительности использовывают это право. Это зло свойственно правительству и оно, вероятно, будет существовать, пока существуют правительства и, сказать правду, даже при анархизме доброе число людей изберет легкий путь и будет зависеть от других, которые за них будут «управлять вещами».

Однако, указывать на недостатки правительства недостаточно, потому что, как сказал Шекспир много лет тому назад, «люди скорее выстрадают все недуги, что наследовала плоть, чем полетят в неизвестное». Простое осуждение правительства важно, но само по себе недостаточно, чтобы создать движение, здесь должно быть одно из двух и Кропоткин в своей книге «Взаимная Помощь» дает ответ. Ответ тем, которые по глупости прославляют войну и утверждают, что она — закон жизни. Теория зуба и когтя есть часть жизни, это довольно правильно, но это не вся жизнь, как ураган не вся природа. Низость, мелочность, алчность, вероломство и трусость составляют часть жизни, но только часть. И если бы была возможность измерить такие универсальные вещи как «добро» и «зло», «благородство» и «низость», «социальность» и «анти-социальность», то пришлось бы придти к заключению, что взаимная помощь, как фактор эволюции, столь же важна, как зуб и коготь. Несомненно, без фактора взаимной помощи наши теории анархического общества были бы умозрениями о власти без всякой связи с действительностью.

Бакунин, Кропоткин, Прудон, Вен. Р. Туккер и многие другие пытались связать свои идеи с жизнью и в своих усилиях им приходилось работать с людьми всякого рода теорий и мотивов, и это как раз то, что мы должны делать, если хотим, чтобы наши идеи имели какое-либо влияние в обществе.

Анархисты-коммунисты хвалились, и не без основания, что некогда большое синдикалистское движение Испании, Франции, Италии и других стран было простым желанием анархистов перевести для пролетариата свои теории в практические рабочие термины. Лидеры Индустриальных Рабочих Мира признали свой долг анархистам и многие из наших товарищей были активными и влиятельными членами этой организации. Мы поддерживали революции в Мексике и в Испании, приветствовали основание Китайской Республики после падения династии Манчу и, наконец, Русскую Революцию и основание С. С. С. Р. Последний, пожалуй, был нашим величайшим разочарованием, но и по сей день имеются мужчины и женщины, называющие себя анархистами, которые принимают и работают для того, что они называют **Русской Революцией.**

Мы знали, что революции Мексики и Испании не были анархическими революциями, точно также как мы знали и знаем, что синдикализм не анархизм, но мы работали для них, потому что верили, что они идут в направлении наших идей и потому что они могли улучшить жизненные условия рабочих масс и поднять их уровень, как человеческих существ на большую высоту. Мы основывали школы и колонии, участвовали в движениях помощи и защиты политических заключенных. Такие вещи часто и легко забываются, а между тем никто другой, как Александр Беркман с Элеонорой Фицгеральд начали движение, которое двадцать с лишним лет спустя закончилось освобождением и оправданием Муни и Биллингса. Все это и многое другое доказывает, что анархическое движение часть жизненного потока и что анархисты признают свое родство с ним.

В таком движении, как наше, где местная автономия проводится до самой малой единицы, т. е. до личности, где уживаются расовые различия и темперамент играет свою роль, в таком движении не может быть такого единогласия в мнениях, какое существует в других движениях и партиях, не может быть потому, что в нем не только допускается свобода мнения, но она, свобода, является самой философией. В результате — самое широкое разнообразие взглядов на тактику и на отношение к событиям и явлениям.

В первую мировую войну Кропоткин, выдающийся духовный вождь анархистов-коммунистов, и Вен. Р. Туккер, представитель школы индивидуалистического анархизма, заняли по отношению к войне позицию, противоположную позиции большинства анархистов. Кропоткин призывал анархистов и революционеров вступать в ряды союзнической армии, чтобы бороться против того, что он называл германским милитаризмом, а Туккер в письме к Максу Истману, тогдашнему редактору журнала «Массы», (не теперешнего коммунистического органа «Новые Массы»), высказался за принятие принудительной всеобщей воинской повинности, если это необходимо для поражения германских милитаристов.

Изучающие анархизм хорошо знают, что Бакунин поддерживал национальные революции, когда он верил, что они представляют нечто приближающееся к его идеалам. Прудон, который своей книгой «Собственность — кража» и другими работами так много содействовал распространению идеалов анархизма, пошел так далеко, что добивался помощи от государства для основания во Франции своего Банка Взаимного Кредита.

Если мы ограничиваемся ссылкой на этих четырех людей, то не потому, что они являются единственными, которые могут быть приведены,

как аргумент, в пользу этой тактики, а потому что они как основатели анархического движения, заслуживают внимание и даже уважение.

Мы знаем, что то, что являются сущностью пацифистского направления вышло из нашего движения и претендует быть **движением.** Плох тот анархист или свободник, который отрицал бы за другим право называть себя пацифистом или, став пацифистом называться революционером и в то же время говорить, что мы будем бороться с фашизмом только тогда, когда эта борьба будет вестись под руководством наших собственных офицеров. Это игра словами, ибо говорить так значит сказать что мы совсем не будем бороться против фашизма. Современное положение призывает каждого мужчину и женщину, называющихся анархистами или свободниками, бороться против фашизма или нацизма со всей энергией и горячностьо своего существа. Мы не имеем патента на какую-либо особую тактику, кроме борьбы до смерти и без пощады, и чем скорее мы это осознаем, тем лучше Убийство заложников миллионы голодающих и бездомных, унижение человеческой души зовут нас к действию, чтобы избавить мир от этого попирающего землю чудовища.

О, да! нас эксплоатировали, предавали и оклеветывали правительства всех типов и цветов, но мы, несомненно, будем эксплоатироваться и предаваться еще больше если будем стоять в стороне и своими поступками выкрикивать: «разве я сторож брата моего?» — Это чуждо нашим принципам.

Миллионы людей различных политических оттенков, классов, рас и цветов тысячами путей стараются облегчить страдания мужчин и женщин, которых они никогда не видели и никогда не увидят, и делают они это лишь потому, что страдающие такие же люди, как и они, члены нашей породы. Перед лицом общей опасности люди помогают друг другу и тем утверждают принцип взаимной помощи. Можем ли мы делать меньше когда самая сущность наших анархических идей основывается на этом принципе? Я не могу поверить, что мы будем делать меньше, потому что поверить в это значит поверить, что в один какой-либо день анархизм исчезнет с лица земли.

Герри Келли.

ЗАПРОСЫ НАШЕГО УМА И ВЗГЛЯДЫ КРОПОТКИНА.

М. И. КОРН.

Автором данной статьи является наш общий друг и товарищ по борьбе Мария Исидоровна Гольдсмит (Корн), трагически и безвременно ушедшая из жизни 11 января 1933 года.

В ознаменование десятой годовщины ее смерти и столетия рождения Кропоткина мы печатаем ниже ее великолепную по простоте ясности и глубине мысли статью о Кропоткине, напечатанную мою в № 17 «Голоса Труженника» (Март 1926 года) под названием: «К годовщине смерти Петра Алексеевича Кропоткина».

Г. М.

Все русские и международные анархисты нашего времени — духовные дети Кропоткина. Как бы они не уклонялись в ту или другую сторону, на какие бы фракции не делились, в **начале** анархического развития каждого, в источнике его анархической мысли всегда лежат идеи именно Кропоткина. Бакунин был основоположником современного анархизма: он слил теоретический анархизм Прудона с живым рабочим движением Интернационала 60-х годов; он широко развил и обосновал критику государственности и идею федерализма. После Бакунина, после Юрской Федерации анархическая идея уже не могла исчезнуть, затеряться среди других направлений социализма: ее будущее было обеспечено.

Но поколения позднейшие выростали не под влиянием Бакунина, а под влиянием Кропоткина. Возьмем в частности русский анархизм, начиная с тех анархистов которые после долгого промежутка почти безраздельного царствования социал-демократии, взяли на себя инициативу перенесения анархической пропаганды анархического движения из Западной Европы в Россию. И они, и все позднейшие группировки русских анархистов, выросли не на идеях Бакунина, а на идеях Кропоткина. От Бакунина их отделяло не только время, но и совершенно иная постановка вопросов в социалистическом движении в эпоху Интернационала и в конце XIX-го века и в начале XX-го.

В Первом Интернационале социализм еще во многом был един, его деление на две непримиримые ветви только начиналось; многое еще оставалось в тумане. К концу 70-х годов —

и чем дальше, тем больше — несовместимость многих понятий, уживавшихся в прежнем социализме, стала очевидной и потребность в **последовательном** анархическом миросозерцании назрела, как назрела такая же потребность и в противоположном лагере — социал-демократии. К этому времени как раз относится выступление Кропоткина, основавшего в 1879 г. в Швейцарии газету «Револьтэ» и начавшего в ряде блестящих статей освещение принципиальных и практических вопросов анархизма

Но рядом с задачею выработки последовательной системы взглядов стояла и другая. Наша эпоха требует от всякого социалистического миросозерцания, чтобы оно было научно обосновано, и то обснование, которое мог дать в свое время Бакунин, уже не могло удовлетворять людей нового поколения. Бакунин, как и Маркс, был воспитанником гегельянства метафизической философии, человеком 40-х годов; между ним и поколением конца XIX-го века легла знаменательная эпоха 60-х годов, эпоха расцвета естествознания после Дарвина; эпоха, когда появился целый ряд новых наук и изучение человеческого общества стало на совершенно новый путь. Кропоткин был воспитанником как раз этой эпохи, этой естественно-научной мысли, проложившей и все дальше прокладывающей себе путь во все отрасли человеческого знания. Он мог дать и дал анархизму то теоретическое научное обоснование, которого требует современная мысль; у него же черпали мы все и ответы на живо-трепещущие вопросы общественной жизни. С Кропоткиным анархизм становится цельным миросозерцанием, имеющим свою философию (социологию и этику), свой определенный общественный идеал, свои методы борьбы за него, свои организационные принципы. Это — здание, из которого нельзя безнаказанно вынимать камней; органическое целое, которое не поддается калечению. То течение, которое захотело бы построить анархизм помимо главных черт мировоззрения Кропоткина, неизбежно впало бы в ряд внутренних противоречий. К сумме взглядов Кропоткина плохо приложено слово «система», потому что с «системой» всегда связано что-то мертвое, искусственное, сухое; мировоззрение же Кропоткина целиком вытекает из действительности, из реального, глубокого знания человеческой жизни и человеческой истории. Это — не система, это скорее — синтез, обобщение, дающее удовлетворение самой строгой жажде последовательности и гармонии.

Свое мировоззрение Кропоткин развил в ряде статей, брошюр и книг, которые отличаются тем, что продуманность и серьезность мысли сочетаются с самою доступною и привлекательною формою. Кропоткин писал не для избранных, а для **всех**, и самые научные его работы, высоко ценимые специалистами-учеными, написаны вполне общедоступным языком. Они не нуждаются, поэтому, в изложении, и вместо такого изложения мы предпочитаем обратить внимание товарищей-читателей на то, каким образом распределяются по богатому литературному наследию, оставленному нам Кропоткиным, различные стороны его миросозерцания.

В наиболее известных его книгах, в «Речах Бунтовщика» и в «Хлебе и Воле», вопросы научного порядка едва затронуты: они посвящены критике существующего строя, выработке нового общественного идеала, рассмотрению препятствий на пути к его осуществлению, выбору средств борьбы с ними. В них, а так-же в ряде позднейших брошюр, мы находим обоснование и развитие дорогой для Кропоткина идеи о **свободном** коммунизме, в противоположность коммунизму монастырско-казарменного типа, о котором мечтали раньше социалисты и который отталкивал от идеи коммунизма свободные умы. Кропоткин первый показал, какое значение имеет для свободного коммунизма принцип распределения продуктов, и выяснил, что этим принципом может быть только распределение по **потребностям**, единственно совместимое со строем, где обобществлены не только средства производства, но и все общественное богатство. Чем будет экономический строй нового общества — зависит от того, какие экномические тенденции существуют уже в нашем, теперешнем обществе: справедлива ли теория концентрации капитала, каковы перспективы развития земледелия, как может быть усовершенствован и облегчен, благодаря техническим возможностям, человеческий труд вообще? Ряд ответов на эти вопросы Кропоткин дает нам в своей книжке «Поля, Фабрики и Мастерские», написанной, к сожалению, задолго до революции, а потому применительно не к русским, а к западно-европейским условиям экономической жизни. Но из этих исследований на не-русской почве Кропоткин делает целый ряд выводов, ценных для России; внимательному читателю, пережившему русскую революцию, предстоит самому перенести эти выводы на русскую почву.

До русской революции написан им большой исторический труд «Великая Французская Революция», но этого читатель совершенно не чувствует. Повидимому, законы всех революций, всех народных движений — одинаковы, и тот, кто читает или перечитывает эту книгу теперь, на каждой странице легко подставляет русские события под французские. Изучение великого исторического периода конца 18-го века дало Кропоткину цельный и определенный взгляд на то, кем и как делаются революции и чем может быть обеспечена прочность революционных завоеваний. В этой книге, несмотря на ее строгую историческую научность, целые сокровища ценных указаний для выработки **методов** революционной борьбы в будущем; она одновременно, и научное исследование, и революционная программа. **И в настоящую минуту**, из всех произведений Кропоткина, она, может быть, — самое современное.

Другой исторический труд Кропоткина — «Государство и Его Роль в Истории» — посвящен разбору взаимных отношений между об-

ществом и государством; вопреки общепринятому мнению, Кропоткин доказывает на ряде примеров, что эти два понятия не только не совпадают, но противоположны, что общественная жизнь всегда развивалась самостоятельно, а государство лишь ставило ей препятствия, накладывало на нее путы, разрушало ее, стремясь к властвованию над распыленною человеческою массою, которую оно не допускало ни к какому свободному, добровольному объединению. — Здесь систематический исторический анализ Кропоткина дополняет широкую критику государственности Бакунина.

Выше мы говорили о том, что введением в теорию анархизма естественно исторического метода, — без чего невозможно, при теперешнем состоянии знаний, построение действительно-научного общественного миросозерцания, — мы обязаны Кропоткину. Обоснование анархической философии на данных, добытых изучением природы, мы находим как в его «Анархия, ее Философия, ее Идеал», так и в позднее вышедшем его сочиненнии «Современная Наука и Анархия»; в эту последнюю, рядом с теоретическими и философскими соображениями, вошел и ряд очерков по истории социализма разных течений, показывающий нам историческую преемственность анархизма и его место среди других социалистических школ.

В отличие от метафизической философии, которая ставит отвлеченный принцип, а затем делает из него логические выводы и этим удовлетворяется, естественные науки имеют дело с реальными предметами, реальными существами, и изучают только их: химические реактивы, микроскоп и телескоп не годятся для изучения отвлеченностей. Отвлеченные идеи, обобщения являются лишь после: из сравнения и сопоставления собранных реальных фактов, причем естествоиспытатель никогда не забывает, что его обобщение — не более как понятие, которое помогает нашей умственной работе, которое необходимо для нас по самой природе нашего ума, но самостоятельного, реального существования не имеет. Этот метод мышления, метод **индуктивный**, идущий от частного к общему, свойствонен и естественным наукам в отличие от дедуктивного метода отвлеченной умозрительной философии. Чтобы построить науку о человеческом обществе, нужно, следовательно, изучать те реальные существа, из которых всякое общество состоит, то-есть людей — и не отвлеченного человека вообще, а людей, живущих или живших в определенную историческую эпоху, в определенной стране, в определенных условиях. Целые новые науки создались, когда человеческий ум почувствовал необходимость подойти к вопросу именно с этой стороны: антропология, этнография, археология, сравнительное языкознание, история религий, история общественных учреждений, экономических форм и проч. и проч. Изучать стали не только современного цивилизованного человека, но и его первобытных предков, и живущие еще и теперь дикие народы; эти работы пролили новый и неожиданный свет на многие стороны нашей жизни, показав, откуда и как они произошли. Многие методы рушились: выяснилось, например, что человеческое общество произошло не от того, что среди беспрядочной толпы явился вдруг вождь и привел все в порядок, положив таким образом начало государству; не образовалось оно и путем договора между людьми, которые в один прекрасный день нашли вдруг, что выгоднее жить обществами, и объединились. Общество существовало в человечестве **всегда**, даже раньше самого человека, еще у его обезьяноподобных предков, и не будь его, эти предки, может быть, никогда не выработались бы в настоящего человека. Кропоткин понял, какое громадное значение имеют эти факты, добытые новыми науками; из них он сделал в своем труде «Взаимопомощь среди животных и людей» необходимые для нас выводы о том, на чем основано существование всякого общества — первобытного и цивилизованного — и что связывает людей между собою.

В миросозерцании коммунистического анархизма есть одно как-будто бы внутреннее противоречие, с которым не так легко справиться: свободный коммунизм есть высшая форма общественности, требующая большой солидарности, тесной связи между людьми; с другой стороны мы не признаем никакого внешнего давления на личность; как же примирить интересы личности с интересами общества, на что рассчитывать для создания возможного общежития? Если мы будем считать, что человеку свойственны только узко-эгоистические инстинкты, а общество — искусственная организация, созданная для подавления и упорядочения их, из этого противоречя выхода нет; единственно последовательными анархистами явятся индивдуалисты. Но факты, добытые, начиная с половины 19-го века, благодаря изучению различных челевеческих обществ и даже жизни животных, выводят нас из этого тупика и подсказывают вывод, который вполне ясно и определенно сделал Кропоткин: **потребность жить в обществе, стремление сохранить это общество, не менее свойственны человеку, чем физические потребности его организма**; для этого не нужно над ним никакого внешегго давления. В этом — источник всей общественной жизни, в этом же и источник **нравственности**, неразрывно связанной с общественностью. Что заставляет человека поступать так, а не иначе? Если он отвергнет предписания религии и идею о долге, предписанном ему какою-то вне его стоящею силою, то что ему останется? Не превратится ли он в нравственное чудовище, попирающее ногами чужие интересы, чужую жизнь во имя своего удовольствия? Едва ли нужно говорить о том, как важны эти вопросы не только в теории, но и на практике, особенно в революционной среде, где отвергается «буржуазная мораль», но не всегда людям легко разобраться, что в этой морали буржуазного, а что просто — человечно.

Вопрос о происхождении и сути нравственности занимал Кропоткина всю жизнь и в последние годы он работал почти исключительно над ним; ему посвящен его труд об «Этике», вышедший уже после его смерти. Еще раньше основные его мысли были высказаны в брошюре «Нравственные начала анархизма». Источник нравственности, говорит Кропоткин, **не вне** человека: он — **внутри** его. «Каков бы ни был поступок человека, какой бы образ действия он не избрал, **он всегда поступает так, повинуясь потребности своей природы...**. Искать удовлетворения потребности, избегать того, что мучительно, таков общий факт (другие скажут «закон») жизни. В этом самая сущность жизни. Без такого искания удовлетворения жизнь стала бы невозможною». Это не значит, конечно, что раз все вытекает из потребности, то все — одинаково хорошо и нужно и нет ни добра, ни зла; в природе существуют, например, разные запахи, все одинаково естественные, но одни из них для нас приятны, другие отвратительны; точно также нас возмущают некоторые поступки людей и привлекают другие, которые мы поэтому, считаем хорошими. Не считать того, не одобрять и не порицать мы так же не можем, как не можем не различать запахов: это — не менее естественно. Взгляды на то, **что** хорошо и **что** дурно — не одинаковы у разных народов и в разные времена, но «на какой бы низкой ступени умственного развития не стоял человек... он все таки считает добром то, **что полезно обществу, в котором он живет, и злом — то, что вредно этому обществу»**. Как произошло такое понятие — нетрудно себе представить: в суровых условиях борьбы за существование человек видел, что его единственная защита — крепкий союз со своими сородичами и что без этого союза он не может сопротивляться враждебным силам природы. Он приучался, поэтому, ценить все то, что делает этот союз более прочным и порицать и преследовать все то, что его нарушает. Самым первым и необходимым условием общежития является — даже в самых первобытных обществах — **Справедливость**: каждый человек необходимо должен быть уверен, что его жизнь и его интересы будут облегчены наравне с другими и что, если он помогает своим собратьям, то они в свою очередь помогут ему в трудную минуту. В своей «Этике» Кропоткин подробно останавливается на том, что в основе этого понятия о справедливости лежит — сознательно или безсознательно — понятие о **равенстве** людей между собою, о том, что люди **равноценны**: мы не можем останавливаться здесь на этой идее, но интересно все таки указать на то, что здесь, в этом именно пункте сходятся требования нравственные с требованиями социальными: справедливое отношение к другому естественно переходит в требование общественного строя, основанного на равенстве.

Но справедливость и равенство — еще не высший идеал: люди и теперь уже идут дальше их и дают другим гораздо больше, чем получают от них. Если бы человеческое общество, замечает Кропоткин, не знало ничего, кроме строгой справедливости, оно не могло бы существовать: потребность действовать, прилагать свои силы, помимо всякого рассчета, и чем больше и энергичнее он действует, тем больше развивается у него и эта потребность. Трата сил — необходимое условие жизни, «жизнь может поддерживаться только расточаясь». Поэтому-то человек и **дает не считая**, поэтому-то и существуют в человечестве высокие подвиги самоотверженния, громкие и тихие. Собственно, здесь только и начинается, по мнению Кропоткина, настоящая **истинно-человеческая** нравственность; по мере развития человечества, по мере того, как жизнь его будет облегчаться и естественные проявления внутренних сил человека будут встречать меньше препятствий, эта истинная нравственность все больше будет входить в его ежедневный обиход и становиться привычкою.

На этом мы кончим. Мы не имели в виду излагать хотя бы в общих чертах систему взглядов Кропоткина: мы хотели только показать, каким запросам нашего ума и нашей души отвечают они. Добавим еще одно: теоретическое миросозерцание было для Кропоткина не только делом его ума, как это бывает вообще для ученых и философов: оно было делом его жизни. Что значит «давать не считая», что значит «жизнь, которая поддерживается тем, что расточается», что значит щедрою рукою сеять сокровища ума и сердца — лучше всего нам показывает его собственная жизнь.

..М. Корн.

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ:

Товарищи, издание журнала «Дело Труда Пробуждение» зависит исключительно от вас, поэтому мы обращаемся к вам с настоятельной просьбой распространять усилено таковой и оказывать ему денежную и моральную поддержку. Просим не задерживать сумм за проданные номера журнала.

---

100. 000. 000. 000 СТРАХКОМПАНИЯ

В Вашингтоне с 1-го июля 1942 г. начала функционировать «Вор Демедж Корпор.», правительственная страховая компания, председателем которой является Джеси Джонс. Эта компания внесла в казначейство 100 млн. полученных от 3.5 млн. клиентов по полисам, выданным отдельным фирмам на случай вражеских бомбардировок и пожаров от них.

В ней застрахованы: «Америкен Телефон и Телеграф Корпор.» на 1.250 млн. д., «Ю. С. Стил», все нью-йоркские мосты, а также мосты в С-Франциско и т. д. Все главные индустрии имеют страховые полисы от 100 до 300 млн. долларов, а также бльшие ж-д компании, предприятия общественного пользования, большие военные заводы, отели, дома и фармы.

ЭНЦИКЛОПЕДИИ О П. А. КРОПОТКИНЕ.

Простое любопытство, что гаворят энциклопедии о П. А. Кропоткине, заставило нас просмотреть ряд энциклопедий, расставленных на полках Нью-Иркской Публичной Библиотеки. Все они дают длинные или короткие биографические заметки. Некоторые же не удовлетворяясь сухими данными, прибавляют к ним суждения о теоретической, научной и революционной деятельности Кропоткина.

Мы думаем, что нашим читателям будет интересно ознакомиться с этими суждениями, хотя бы в коротких выдержках.

Рудольф Мондольфо так пишет в **«ЭНЦИКЛОПЕДИИ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК»** (1935 г.):

«Его система временами часто остроумна, но Кропоткин оставляет многие философские и практические вопросы без ответа и часто противоречит самому себе... Кропоткин никогда не объяснял, как предотвратить в анархическом строе возникновение угнетательских тенденций, которые вместе с кооперацией, он рассматривал, как продукт социальной жизни; как масса, которая, как он утверждает, не имеет ясной программы и, следовательно, склонна следовать за партией действия и подчиниться ее управлению, может быть ограждена от такой судьбы при анархизме; как все будет организовано без правительствен. органов; как будут функционировать без делегированной и представительной власти общинные, областные, национальные и интернациональные производственные и потребительские группы. Неполнота анархической программы становится особенно ясной после падения царя, когда Кропоткин кроподдержки правительства Керенского, не имел для «народа» никакого плана, которому бы народ мог следовать. Благородство вдохновения Кропоткина, его честность в дискуссии, искренность его убеждений засвидетельствована всей его жизнью и не подлежат никакому вопросу».

«ЭНЦИКЛОПЕДИЯ БРИТАНИКА». (амер. изд. 1941 г.) очень сдержана: «... Он был авторитетом в агрономических и географических вопросах и выдвинул много полезных для их развития практических предложений. Кропоткин был замечательно благородной и привлекательной личностью и был сильно любим и уважаем в Англии. Он желал минимума правительства и развитие системы челевеческой кооперации, которая сделала бы управление сверху излишним». яйн

«НОВАЯ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ» (Нью-Иорк, 1926 г.) упорно добивается понять, что такое революция и что такое насилие:

«... Его исследования в Азии убедили его, что карты этого континента основывались на ошибочном принципе. После двух лет труда, он опубликовал новую гиппотезу, которая принята большинством картографов... Наблюдение над экономическим положением финских крестьян породило в нем чувство, что естественные науки мало полезны, пока остается нерешенной социальная проблема... Веря в революцию, как в необходимое средство социального преобразования. Кропоткин всегда выявлял нерасположение к насильственным мерам. Его идеал — общество малых общин равных, федерированные с целью обеспечения наивозможно большей суммы благосостояния, с полным и свободным простором всякой личной инициативы. Правительство и лидерство не имеют места в его схеме социальной организации. Он признает, что никто не в силах представить способ приведения в действия такого общества, но он верит, что коллективная мудрость масс разрешит все вызываемые необходимостью проблемы».

«ЭНЦИКЛОПЕДИЯ АМЕРИКАНА», 1941 г. говорит: «... Кропоткин был одним из способнейших представителей и наиболее красноречивый выразитель теории общества, известной под именем анархического коммунизма. Он был противником всех обществ, которые зиждятся на силе и на ограничении, и предвидел пришествие чисто добровольного общества, покоющегося на коммунизме. Он желал видеть разделение труда, являющееся доминирующим фактором в современной промышленности, замещенным, как он называл, «интегральным трудом». И он твердо верил в неограниченные возможности интенсивного земледелия».

Переходя к энциклопедиям других стран, мы находим **«Энциклопедию Италиана»**, которая была издана «под высоким покровительством Его Величества Короля Италии» в 1933 году. Она отзывается о Кропоткине довольно симпатично:

«... Кропоткин является одним из наиболее характерных представителей анархического коммунизма. Согласно ему, Социальная Революция должна уничтожить государство,—(отсюда вытекает его отвращение к пропагандируемой большевиками диктатуре пролетариата), — и частную собственность — (социализация не только средств производства, но также и предметов потребления). В будущем не ограничение, практикуемое современной властью, а свободно развивающиеся инстинкты будут определять жизнь челевечества».

«БОЛЬШАЯ НАРОДНАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ» (Милан. 1928 г.) говорит о Кропоткине несколько иначе, с некоторым саракозмом:

«Основная характерная черта его доктрины — неограниченный оптимизм, доходящий почти до простодушия. Чернь и интернациональная демагогия имели удовольствие сделать из него ужасного революционера. В действительности

же он был не более как аристократический мечтатель и человек утонченной чувствительности. Страницы его автобиографии («Записки Революционера») представляют собою литературный и психологический шедевр. Толстой и Достоевский не проникли так глубоко в душу ребенка, как он. С самого начала Европейской Войны Кропоткин был за коалицию свободных народов против германского империализма, который, вместе с царизмом, представлял величайшее препятствие для человеческого прогресса».

Немецкая энциклопедия **«БОЛЬШОЙ БРОКГАУЗ»** (1931) могла бы сказать несколько больше, если принять во внимание, что она была издана при Веймарском режиме:

«В своем социальном учении Кропоткин является выдающимся представителем так называемого анархического коммунизма; он требует передачи общественной собственности, средств производства и потребления мелким заинтересованным группам, при условии отмены всех правительственных форм. Его моральное и социальное мировоззрение покоится на основе взаимной помощи».

Французский **«Ларусс»** содержит не более полдюжины пустых строк, **«Болгарская Энциклопедия»** (София, 1936 г.) является, в отношении к Кропоткину, самой лаконической и, быть может, самой загадочной:

«Кропоткин — беспощадный теоретик, но тихий и трудолюбивый утопист». (?!)

Просматривая русские энтиклопедии, мы находим что самая важная из них — **«Русский Энциклопедический Словарь»**, более известный по имени издателей **«Брокгаус и Эфрон»**, величает Кропоткина Александровичем, а не Алексеевичем. Эта **русская** энциклопедия имеет, следовательно, честь быть единственной, совершившей ошибку в отчестве **рсеского** ученого и писателя. В ней приводится несколько коротеньких биографических заметок, но нужно помнить, что этот том вышел в свет в 1895 году!

В другом **«Русском Энциклопедическом Словаре»**, известном как энциклопедия Граната, о Кропоткине имеется длинная статья Н. Русанова, из которой с пользой мы можем извлечь всего лишь несколько строк: *)

«Не новый, но солидно, на научных данных, обоснованный Кропоткиным закон «Взаимопомощи» является в этой системе существенным дополнением, лучше сказать — серьезным видоизменением дарвинского закона «борьбы за существование!...».

*) Это издние энциклопедии вышло после смерти П. А. Кропоткина, но печаталась же с матриц, относящихся к 1910 году.

Русская **«ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВДА»** изданная Коммунистической Академией (1925 г.), имеет, под словом **«Анархизм»**, следующее суждение о Кропоткине, за подписью И. Разумовского:

«Несмотря на его близость к коммунистическим идеалам, сказались еще все черты интелигента, исходящего из этических побуждений и не видящего конкретных путей к осуществлению этих идеалов... В учении Кропоткина играет большую роль **Эпическая философия Анархизма**, принципы которой он ищет в полезном для сохранения вида и в стремлении человека к наслаждению».

. **«БОЛЬШАЯ СОВЕТСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ** (1937 г.) злорадствует над отношением Кропоткина к войне 25 лет тому назад, цитируя нападки Ленина, относящиеся к тому времени. Биографические заметки заканчиваются так:

«В рабатах, посвященных основным проблемам анархизма, Крапоткин высказывался против централизованной организации общества, за обобществление средств производства; отрицая необходимость государства, он выдвигал как идеал социализма, ассоциацию общин производителей. Свой протест против государственного принуждения он доводил до полного отрицания всякой дисциплины. Кропоткин был непримиримым врагом марксизма... После великой октябрьской социальной революции оставался непримиримым врагом пролетарской диктатуры и, считая большевиков новыми якобинцами, Кропоткин, однако, признал за ними большие революционные заслуги и значение не только по отношению к России, но и в международном масштабе.»

«МАЛАЯ СОВЕТСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ» (1922) в статье за подписью М. Клевенского отзывается о Кропоткине более резко:

«Решительно отвергая всякое Государство, Кропоткин не признавал даже диктатуры пролтариаата, как временной переходной формы к отмиранию классов и государства. На другой же день после революции, по его убеждению, вопросы распределения будут вполне справедливо и разумно разрешены «добровольцами». Такие же добровольные союзы, на основании свободных договоров, будут вести и все дело производства. Кропоткин исходил из идей о свойственном человечеству духе солидарности и неисчерпаемой производительности почвы. Теории Кропоткина, пытавшегося соединить мелкобуржуазный радикализм с идеей коммунизма, проникнуты идеалистической наивностью.»

ЛИТОВСКИЙ ДОКТОР О ПОЛОЖЕНИИ В СССР.

Доктор Михаил Девенис был арестован советскими военными властями в Ковно во время оккупации Литвы. Его держали в Виленской тюрьме, не предъявляя никакихъ обвинений. 16-го июня 1941 года его повезли вглубь России вместе с другими арестованными литовцами, около 3.000 человек. Поезд из 70 вагонов, битком набитых арестантами, через Смоленск и Москву двигался на восток. Доктор Девенис попал в Красную Гавань, что на Печерской губе, при впадении реки Печеры в Ледовитый Океан.

Родственники доктора Девениса, проживающие в Соединенных Штатах, получив от него известие, начали через американское посольство, добиваться его освобождения из концентрационного лагеря. Дважды американский посол в Куйбышеве Стейнгард запрашивал сталинскую власть о докторе и дважды получал ответ, что таковой не числится в списках заключенных и ссыльных. В третий раз посол Стейнгард предъявил сталинским властям местонахождение доктора Девениса. После этого он получил уведомление, что Девенис, действительно, находится в указанном послом концентрационном лагере и что он, в удовлетворение просьбы посла, будет освобожден и доставлен в Куйбышев.

Из Куйбышева, через Иран (Персию) Девенис прибыл 7-го августа в Соединенные Штаты, где и находится в настоящее время.

Литовская ежедневная газета «Дрюгас» (ноябрь 13, 42), выходящая в Чикаго, напечатала заметки доктора Девениса об его переживаниях и наблюдениях в России. Мы кратко изложим своими словами содержание его первой статьи.

В Красной Гавани д-р Девенис должен был оказывать медицинскую помощь арестованным, которых насчитывалось несколько сот. Эти арестованные работали на принудительных работах по выгрузке приходящих в гавань пароходов. Сам доктор должен был работать в лесу на принудительных лесозаготовках. Описывая жизнь в лагере, доктор подчеркивает произвол администрации и полную беззащитность арестованных, низведенных до состояния рабства. Голод, холод, антисанитарность и высокая смертность царствуют в лагере. Разгружая пароходы, арестванные крадут водку и напиваются, за что жестоко наказываются и срок пребывания в лагере удваивается.

В случаях пропажи водки арестованных выстраивают и доктор должен проходить ряды и обнюхивать каждого. В одном случае доктор Девенис не донес на нескольких подпивших, за что срок его ссылки, который никогда не был ему сообщен, был удвоен.

В начале июня доктор Девенис прибыл в Куйбышев и должен был бы остаться на улице, если бы не вмешательство американского посольства, которое помогло ему получить комнату и снабдило одеждой и деньгами.

Будучи в Куйбышеве, доктор наблюдал ужас продовольственного положения в этой временной столице, полное отсутствие товаров, астрономические цены на продукты, которые обменивались на вещи и неохотно продавались за деньги. Рассказывая о ценах, доктор говорит, что он продал за 2,500 рублей свои старые ботинки, которые носил два года и сносил под ними не только оригинальные подошвы, но и две пары резиновых подметок. Официальный курс доллара — 12 рублей и 50 копеек, значит, на Куйбышевском рынке старые изношенные ботинки стоят 200 долларов.

Доктор дает цены на следующие продукты в Куйбышеве в середине июня: Килограмм (2 ам .фунта) масла стоит 600 рублей или 48 долларов; пуд муки (36 ам. фунтов) стоит 1,200 рублей или 96 долларов, т. е. два дол. и 66 сентов за ам. фунт; десяток яиц — от 150 до 180 рублей, т. е. от 12 дол. до 14 дол. и 40 сентов; доллар двадцать — доллар сорок четыре сента за штуку; кило картофеля — 40 рублей или 3 дол. 20 сентов, т. е. доллар шестьдесят за ам. фунт; кило луку — 60 рублей или 4 д. и 80 сентов, т. е. 2 дол. 40 сентов за ам. фунт; 50 граммов махорки — 150 — 200 рублей или 12 — 16 долларов. Новый костюм стоит 5.000 рублей или 400 долларов; новые сапоги — 3.000 рублей или 240 долларов. Папирос и писчей бумаги в это время на куйбышевском рынке совсем не было. За новый велосипед, единственный, который видел на рынке доктор Девенис, просили 25.000 рублей или 2.000 долларов!

Приведенные выше цены на продукты и товары лишний раз подтверждают сведения о голоде в нашей стране, которые мы приводили в прошлых выпусках «Дела Труда—Пробуждения». Если во временной столице сталинской власти такие небоскребные цены, то можно себе представить каковы эти цены в провинциальных городах, сейчас забытых и брошенных на произвол. Можно себе представить какой ужас царствует в концентрационных лагерях и тюрьмах, где содержится вся прогрессивная, социалистическая и строптивая Россия!

Требуйте и просите у американской общественности организации в России **американцами американских** питательных пунктов для голодающего русского народа!

ПОСПЕШИМ НА ПОМОЩЬ!

Ни на одну минуту нельзя забывать, что русский народ в огромной своей части голодает.

Он голодал прошлую зиму и нет никаких оснований думать, что в эту зиму он не голодает. Как раз наоборот, в эту зиму продовольственное положение русского народа должно быть трагическим. Об ужасах голода нам сейчас не говорят ни большевики, ни представители союзных стран. Это замалчивание вполне понятно, хотя и преступно. Мы его понимаем, но не оправдываем, наоборот, порицаем. В этом вопросе необходима полная гласность, полная ясность, ибо только при этих условиях в Америке и в Англии можно создать широкое народное движение в помощь голодающему русскому народу, ибо только такое народное движение способно заставить бывшего губернатора Нью-Иорка Лимана, недавно назначенного президентом Рузвельтом руководителем новой американской «АРА», энергично и в первую очередь заняться организацией помощи голодающему населению Советского Союза и не после войны, а сейчас, как можно скорее, немедленно, ибо всякий просроченный день означает гибель множества человеческих жизней.

Мы призываем всю русскую прессу и все русские оргаизации Соединенных Штатов и Канады начать эту кампанию, кампанию за спасение русского мужика и русского рабочего, русского народа, от голодной смерти и от инвалидности от голода. Мы призываем всех русских, которые имеют хоть какое-либо влияние в политических и правительственных сферах, замолвить слово о русском народе... попросить милостыню... Если представители современной русской государственности, развращенной и преступной, не делают это из-за сохранения престижа, то мы, жертвы этой государственности, должны это сделать, даже если для этого потребуется стать на колени: унижение во имя спасения народа — есть подвиг.

Мы зовем на этот подвиг...

Мы не перестанем бить в набат, пока не придет помощь русскому народу. Мы будем будить дремлющую совесть и вселять тревогу в сердца, доводя до сведения читателей все нам доступное о продовольственном положении нашего народа. Пусть нас называют самыми обидными именами, пусть не скупятся на угрозы, но мы упорно будем говорить о крайней нужде русского народа и мы будем кричать, пока сердце наше бьется: «Русский народ не нуждается в похвале, в поэтическом прославлении его стойкости, мужественности, жертвенности, выносливости, он нуждается в хлебе. Хлеба, хлеба русскому народу! Как можно больше хлеба и как можно скорее!»

Г. Максимов.

РЕВОЛЮЦИЯ В ИСПАНИИ ЖИВА.

Вести, которые доходят до нас из Испании, ободряющие, обнадеживающие. Залитая кровью и усеянная трупами своих лучших сынов, Испания все еще сильна духом и верой в лучшее будущее, свое будущее и будущее всего мира, всех трудящихся. В то время, когда в других странах рабочее и социалистическое движение, благодаря довоенной политике социал-демократов и прочих государственников-демократов, пришло к полному физическому и моральному разложению и растворилось в мутных волнах государственнически настроенного современного буржуазного либерализма, Испания, несмотря на кровавые расправы победоносного фашизма, благодаря свободническому боевому духу Национальной Конфедерации Труда и Федерации Анархистов Иберии, снова встает как Феникс из пепла, могучей революционной социалистической силой. В атмосфере войны и самой подлой реакции, которые заволокли весь мир, Испания является мерцающей точкой надежды, которая может разгореться в яркое пламя и разогнать мрак современной безнадежности и социального безверия.

Читая ниже-печатаемые сообщения из Испании, мы не можем не снять шапки перед народом этой страны и перед ее Национальной Конфедерацией Труда и Федерацией Анархистов Иберии, являющимися конкретным, вещественным выражением испанского духа и чаяний трудящихся всех стран. До тех пор, пока на поверхности земного шара будет хоть одна точка, подобная Испании, дело мировой свободы, экономического равенства, национальной и интернациональной солидарности можно считать обеспеченным, освобождение мира непременно станет совершившимся фактом.

Наши братские испанские органы печати «Солидаридад Обрера» (ноябрь 15. 1942 г., Мексика) и «Культура Пролетариа» (ноябрь 21, 1942 г., Соед. Штаты) перепечатали из испанских фашистских газет следующие высоко-обнадеживающие мировой пролетариат новости:

1. СУД над ПОДПОЛКОВНИКОМ ГРИХАЛЬБО.

Газета испанских фалангистов «Арриба», за июнь 1942 года, сообщая об исключении подполковника Грихальба из военного сословия по решению военного суда, учиненного над ним за речь, которую он произнес перед офицерами в военном казино, привела нижеследующую замечательную часть его речи:

«Мы не должны обольщать себя иллюзиями. Все фалангисты и те, которые принимали участие в июльском движении 1935 года, остались в одиночестве. Испанский народ не только не следует за нами, но ненавидит нас африканской ненавистью. И мы должы признать, что Национальная Конфедерация Труда и Федерация Анархистов Иберии, которые ныне силь-

нее, чем перед гражданской войной, убедили испанский народ выйдет на улицу, и вряд ли ктократические силы откроют второй фронт и высадятся на европейский континент, то весь испанский народ выдет на улицу, и вряд ли кто-либо из нас останется в живых, чтобы рассказать, что случилось».

2. О НАЦИОНАЛЬНОЙ КОНФЕДЕРАЦИИ ТРУДА И О ФЕДЕРАЦИИ АНАРХИСТОВ ИБЕРИИ ПОВСЮДУ ГОВОРЯТ ОТКРЫТО.

Сарагосская государственная фашистская газета «Кроника Диариа» поместила сообщение своего мадридского корреспондента, в котором он сообщает, что **«в Мадриде говорят об анархических группах, о Федерации Анархиистов Иберии, об их Полуостровном Иберийском Комитете, говорят о Национальной Конфедерации Труда и об ее Национальном Комитете, говорят так, как говорилось во времена республики. На каждом шагу мы встречаемся с этим позором, который был смыт геройской национальной революцией».**

3. АНАРХИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ СТАНОВИТСЯ СИЛОЙ.

Довольно знаменательна передовая статья барселонской «Ля Вангардия», ежедневный официальный орган испанских фашистов, за июль 1942 года.

«Всем известно, что в Барселоне и в других городах Каталонии ежедневно происходят десятки и больше нелегальных собраний. Однако только четыре таких собрания были обнаружены полицией, которая арествала всего только 600 человек. Это значит, что арестовано только 5% посещающих нелегальные собрания, которые не обращают внимания на действующие узаконения и нарушают общественный порядок.

«Мы повторяем, что уже не раз говорили, что если в ближайшее время мы не приостановим анархическое движение, которое с каждым днем становится все более вызывающим, то весьма возможно, что потом будет уже поздно».

4. СЛУЧАЙ В АРГУЭЛИСЕ,

Все Аррагонские и Валенсианские фашистские газеты подняли большой крик по поводу того, что в Аргуэлисе, пригороде Мадрида, безработные, собираясь на площади, свободно и открыто читают нелегальные листовки анархистов. Однажды, сообщают газеты, проходил через площадь секретарь фашистской городской организзации, который, заметив прокломацию, взял ее и стал читать, толпа стала кричать: «Оле! Оле!» (Ура! Ура!). Секретарь вызвал полицию, которая арестовала 1200 человек. На допросе все арестованные в один голос показали, что они получили прокломации от секретаря городской фашистской организации.

5. ВЫДЕРЖКИ ИЗ ПРОКЛАМАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ КОНФЕРАДАЦИИ ТРУДА ВАЛЕНСИИ.

«Палачи франкистской инквизиции, вы можете продолжать свое дело. Но вы теперь уже знаете, что начатый вами односторонний террор не остался без ответа. На ваши удары мы отвечаем ударами в кубе. Мы можем вас уверить, вы нас не превзойдете. Мы предлагаем вам подсчитать все жертвы, которые пали в этом году, и установить нужные пропорции. Но это ничто в сравнении с тем, что вас ожидает впереди, если вы не приостановите террор. Вы сами знаете, нам нет надобости говорить, что мы всегда попадаем в цель». 2.22

6. КРОВАВЫЙ ИНЦИНДЕНТ В ПОРТУ ГРАО (ВАЛЕНСИЯ).

В июне 1942 г. в порту Грао произошла кровавая драка между немецкими и английскими моряками. Испанские портовые рабочие вмешались в эту драку. Испанские рабочие не спрашивали кто прав, а спрашивали: где немцы? Вместе с английскими матросами они так избили немцев, что восемь гитлеровцев были отправлены в госпиталь с побитыми ребрами, разбитыми носами и окровавленными физиономиями.

СВОБОДНИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ.

За пределами Соединеных Штатов свободническая печать существует только в странах латинской Америки, исключением является журнал «Вор Комментари», который, несмотря на антивоенную позицию, продолжает выходить в Лондоне. Во всех остальных странах мира реакция задушила вольное слово.

В республике Мексико, после долгих и тяжелых мытарств, нашли приют многие активные деятели Испанской Конфедерации Труда, которые на состоявшейся недавно конференции порешили возобновить издание официального органа Конфедерации «Солидаридад Обрера». Редактором избран тов. Хозе Виадиу, который редактировал барселонский «Солидаридад Обрера» до завоевания Испании фашистами. Адрес газеты:
Emilio Maldonado, Ramon Gusman, 121-9 Mexico, D. F. Mexico.

В Урагвае Рабочая Федерация, принадлежащая к Международному Товариществу Рабочих, начала выпускать в Монтевидео газету «Солидаридад». Газета посвящена вопросам рабочего движения страны. Адрес:
Homero Arlas, Rio Branco 1511,
Montevideo, Uruguay

В Аргентине выходит несколько газет и журналов свободнического направления разных оттенков. В одном из них («Сильный и Свободный Человек Америки», №13) имеется декларация аргентинских либертариев о происходящей войне. Сущность декларации сводится к следующему положению: нужно делать все, чтобы уничтожить тоталитаризм, но в борьбе с тоталитаризмом не следует отказываться или соглашаться на ограничение свобод, которые завоеваны народами, ведущими войну с тоталитарными государствами.

ДОЛЛАРОВЫЕ ПАТРИОТЫ.

Война — величайшее зло, тягчайшее преступление, жесточайшее бедствие человечества. Она вызывается, во-первых, корыстными мотивами правящих классов той или иной страны, а во-вторых, политическими и рассовыми интересами, а также тщеславием правителей, жаждущих славы и почестей.

Для ведения современной войны мобилизуются не только армии и флоты, но и вся живая сила страны и все ее рессурсы. Ибо те страны, которые дадут в кратчайший срок больше пушек, пулеметов, танков, бомб, самолетов, кораблей и других вооружений и лучших по качеству, чем у противника, да одновременно выставят большее количество хорошо обученных солдат с наиболее талантливыми и агрессивными генералами, имеют наибольшие преимущества на выигрыш войны. Вот почему все страны стараются изо всех сил обогнать противника количеством и качеством вооружений да тренированными кадрами. Но чьи рессурсы богаче, промышленность и производственные возможности мощнее, дух населения выше и нервы крепче, — те страны имеют все шансы на конечную победу.

Нынешняя война, не вдаваясь в подробности «почему» и «как», навязана миру нацифашизмом и его интернациональными сторонниками, которые видели в войне избавление от рабочей революции. Вероломно нападая на своих соседей, наци-фашистские агрессоры, олицетворяющие собою Германию, Италию и Японию, которыми они повелевают в порядке диктатуры и террора, ввергли мир в страшную бойню.

Жертвы агрессии, не желая добровольно идти в рабство наци-фашизма, оказывают злодеям отчаянное сопротивление. Но одного мужества или храбрости не достаточно: чтобы одолеть врага и разбить его наголову, нужно иметь такое же вооружение, как у нападающих разбойников, или лучшее. Это учли в Вашингтоне, сделали надлежащие ассигновки на вооружение, которое и стараются доставить сопротивляющимся странам. И Вашингтон сделался центром, откуда посыпались заказы на разное вооружение.

После предательского нападения Японии на Гаваи, США вступили в войну. Правительство обратилось ко всем классам американского населения с призывом проявить патриотические чувства и, по мере сил, способностей и имущественных возможностей, оказать помощь собственной стране, проявить жертвенность в грозный час тяжелых испытаний. Рабочие и фармеры откликнулись первыми на призыв: они дали из своей среды людей для армии и флотов и согласились усиленно работать на защиту страны, проявив при этом огромный энтузиазм. Но такого энтузиазма не заметно со стороны крупных капиталистов—фабрикантов, купцов, банкиров и всяких дельцов, даже наоборот, пользуясь войной, они стараются побольше загрести прибылей, о чем свидетельствуют нижеследующие бесспорные факты:

Конгрессовая Комиссия по Морским Делам, например, обследовала 30.405 контрактов морского министерства стоимостью почти в 4.600 млн. д. и выяснила ,что барыши большинства фабрикантов состовляют 8.1%, но некоторые ухитряются делать даже 1.768% !...

Из 1652 промышленников, получивших военные подряды от правительства, 16 делают больше 50%, 20 — 40-50% и 49 — 30-40% барыша. Комиссия не указала, например, сколько фабрикантов и на какую сумму заказов получают по 15, 20, 25 и 1.768% прибыли. Повидимому, количество фабрикатов, получающих больше 8% прибыли, огромно, хотя для них было бы вполне достаточно 2-3%.

Не давая подробного анализа своим обследованиям, Комиссия заявляет, что «95% контракторов (пожалуй, тех, которые делают на казенных подрядах больше 8% и меньше 30% барышей) честно выполняют работу, получая умеренные прибыли, а остальные 5% предпринимателей, пользуясь военным положением, получают чрезмерные прибыли». Поэтому комиссия рекомендует установить ограничение прибылей, чтобы, сохранив за фабрикантами право на «умеренные» прибыли, предотвратить обогощение меньшинства подрядчиков за счет налогоплатильщиков С. Ш. А.

Кроме капитанов индустрии, на чьих заводах изготовляется всякого рода вооружение и амуниция: пушки, танки, корабли, грузовики, самолеты, одежда, обувь и прочее, и чьи корпоративные доходы превышают 1700%, не говоря уже об их личных высоких окладах, премиях и девидентах, на военных подрядах хорошо «подкармливаются» за счет населения С.Ш.А. разные маклера, имеющие большое влияние в министерствах и называющие себя «коммерческими инженерами».

Дж. Б. Беккер, вице-президент и главный управляющий завода взрывчатых веществ в Элктоне, Мерилэнд, вызванный на допрос в Коммиссию по морским делам, заявил 15 июля 1942 г., что его фирма «Триумф», в ведении которой находится и 4-мил. казенный завод, построенный по соседству, связана с вашингтонской маклерской фирмой «Ширли Олкот и Николс» контрактом, по которому она обязана платить 1% комиссионных со всех заказов, полученных от морского ведомства для казенного завода, т. е. около 240.000 д. на подряды в 24 млн.д., и 2,5% за полученные правительственные заказы для завода «Триумф», которые уже равны 14 млн. долларов.

Господин Ширли, бывший армейский майор, а Ф. Б. Олкотт и Ф. С. Николс, бывшие гражданские чиновники морского ведомства, заявили, что в 1941 г. они получили по 106.196 д. комиссионных каждый, а за первые 6

месяцев 1942 г. — по 208.211 д. каждый. Председатель Коммиссии Карл Винсон, демократ от штата Джорджия, заявил, что маклерская фирма, состоящая из вышеупомянутых трех лиц и заключившая комиссионные контракты с 46 фабрикантами, имеет «подъездной путь» к морскому ведомству, которое помогло им сделать 646.701 д. за первые 6 месяцев текущего года.

—«Вы, три человека сидящие здесь, в Вашингтоне, — обращаясь к маклерам, сказал г. Винсон, — получаете по 1.150 д. в день и каждый день, включая и воскресенья, в то время, когда ребята умирают на Батане, в Корригидоре и на «Лексингтоне». Вы приобрели себе клиентуру, создали впечатление, что фабриканты должны придти к вам за получением правительственных заказов»

Чиновник Федеральной жилищной администрации — Александр Стон, находясь на государственной службе, получил с августа 1940 г. по март 1941 г. свыше 27.000 маклерских на заказах морского ведомства, данных фирме «Лайонел» в Ирвингтоне, Н. Дж., выделывавшей прежде игрушечные поезда, а теперь — навигационные приборы. Он заявил в комиссии, что на этих правительствнных заказах он «заработал» больше 600.000 д. Стон также признался, что посылал в 1940 и 41 годах рождественские подарки чиновникам морского ведомства, заведующим отделом распределения заказов.

Горас Вард, тоже один из так называемых «коммерческих инженеров», в той же Комиссии заявил, что он, как агент фабрикантов, получающих правительственные заказы, сделал за 18 месяцев 430,000 комиссионных. В маклерских кругах он считается «старшиной», ибо и в прошлую войну он занимался этими же делишками. Вард признался, что он устраивал обеды, ужины и делал подарки для чиновников морского ведомства и береговой службы, а также устраивал для них пирушки.

На вопрос: ради чего он все это делал? Вард ответил, что таковы уж его «общественные наклонности». А когда председатель Винсон заметил ему, что его щедрость не распространялась на всех, а лишь на чиновников, с которыми он обделывал свои делишки, Вард ответил, что «в торговых делах считается общепризнанным увеселять публику, с которой ведешь дела... Я горжусь их дружбой.»

Маклерская фирма «Скримджор и Сыновья», состоящая из мужа, жены и двух их сыновей, получила от своих клиентов, доставших через них правительственные заказы,— 860,000. На вопрос: считает ли он правильным получение такой крупной суммы за короткий промежуток времени? Скримджор-отец ответил, «что дела пошли шибко» и таким образом, получилась крупная сумма.

Депутат Чарльз Фэддис, демократ от штата Пеннсильвания, председатель специального комитета №3, входящего в состав комиссии и расследующего деятельность персонала по военным заказам и материалам, заявил, что его комитет, все еще производящий расследование, установил, что на казенных подрядах суммой 16.793.860 д. 19 маклеров получили 1.815.366 д. комиссионных, которые берутся из карманов налогоплательщиков.

— «Затронута лишь поверхность», — сказал Фэддис, подчеркивая этим, что крупные промышленники вместо прямого обращения в правительственные учреждения за получением военных заказов предпочитают вести дела с маклерами.

Расследования Комиссии установили, что многие так называемые «коммерческие инженеры» получают по тысяче долларов в день комиссионных от фабрикантов, доставших при их посредничестве казенные подряды. Эти колоссальные суммы были бы сохранены для страны, если бы чиновники, получающие взятки от маклеров,—с одной стороны, и подрядчики, берущие военные заказы, — с другой, были заинтересованы в сбережении народных средств.

Повидимому, фабриканты предпочитают маклеров потому, что не желают входить в контакт с чиновниками министерств, где посредники могут скорее уладить всякие недоразумения о поставках, чем сам предприниматель. Поэтому все казенные заказы сопровождаются огромными накладными расходами, в которые включаются не только барыши, но и побочные расходы, как, например, маклерские.

Данные Комиссии по Морским Делам свидетельтвуют, что программа Рузвельта ограничить доходы 25.000 дол. в год не встречает никакого сочувствия в рядах капиталистов, для которых война—время жатвы.

Г.

РАЗБУХАНИЕ БАНКОВ.

По подсчету финансового контролера, капиталы 5107 национальных банков СШ достигли к 1 июля 1942 г. — 45 биллионов долларов.

За год, — с 1 июля 1941 г. по 1 июля 1942 г. — капиталы этих банков увеличились на 3.844 млн. д. Эта сумма прибавилась после вычета всех расходов и налогов! А говорят, что банки совсем обеднели, теряют деньги и ничего не зарабатывают!

УНИЧТОЖЕНИЕ КОФЕ.

По данным Бразильского кофейного министерства, с Июня 1931 г. по 15 Июля 1942 г. **уничтожено 75.715.000 мешков кофе** с целью поддержания цен на таковое.

ДОХОДЫ СТАЛЕЛИТЕЙНЫХ КОМПАНИЙ.

По подсчетам Американского института Железа и Стали, чистая прибыль 72-х сталелитейных фирм, поставляющих 90% производства американской стали, составляет за первое полугодие 1942 года — 116.407.000 д., кроме отложенных в резерв 392.913.000 д., что в общей сложности превышает 500 млн. д.

"СТРАШНЫЕ ЛЮДИ".

Так озаглавил т. Максимов свою корреспонденцию, описывая поведение на его лекциях играющей в коммунизм публики. Эта публика тогда мобилизовала весь свой наличный состав, включая ни слова не понимающих по-русски, и пыталась сорвать лекцию, когда лектор еще не произнес ни слова. На гвалт, поднятый коммунистующими, помню, явилась полиция, но лектор категорически отказался говорить в ее присутствии. С того времени прошло около полдюжины лет, втечение которых произошли колоссальные мировые события, оставившие в истории неизгладимый след и заставившие многих думать по иному.

Времени прошло не мало, но «страшные люди» не перестали быть «страшными», несмотря на такие художества Москвы, как «спаянная кровью» дружба Сталина с Гитлером.

Как морфинисту трудно отказаться от морфия, так и этим людям, привыкшим к готовым политическим формулам, изготовленным партийными кулинарами, трудно отказаться от того, к чему они привыкли втечение стольких лет. Недаром говорят, что привычка — вторая натура.

«Как вам не стыдно, товарищ, продавать такой журнал», сверкнув злобно глазами, сказал один из «страшных людей», бросая на дорогу изорванный журнал «Дело Труда-Пробуждение». А так как журнал был куплен всего лишь несколько минут назад, то продавец полюбопытствовал: Что, уже успели прочесть?».

«Нет, наивно ответил «страшный человек», но я вижу с первых слов, куда ваш журнал гнет». Он не сказал просто журнал, а ваш журнал. Ему уже было известно, что продавец был не простой продавец, а человек, разделяющий вззгляды журнала. Сведения он получил через минуту у человека с гитлеровской щеточкой под носом, который известен в трудовой колонии как черносотенец худшей марки. Что же толкнуло этого челвека на такую дикую выходку? Рвать журнал, да ведь это практиковалось в Берлине после захвата власти нацистами, когда все прогрессивное, все культурное предавалось топору и огню.

Передовую статью «Надвигается страшный голод», автор статьи, т. Максимов, начинает так: «Дела в России дрянь. И они упрямо продолжают итти от плохого к худшему, от худшего к скверному, от скверного к отчаянному, прямо таки безнадежному»...

Для лунатика этих слов, с подзучиванием черносотенца, было достаточно, чтобы броситься в буйную. И не сдобровать бы продавцу, если бы этот фанатик был в силах реализовать свои к нему чувства делом.

Вот откуда берутся добровольные палачи!

Человек обиделся за то, что «дела в России дрянь.» А что же, дела в России хороши? Почему красные войска не сражаются на германской территории? Почему красные войска не осаждают какой-нибудь захудалый Кенигсберг, не говоря уже о Берлине? Вот еслибы Красная Армия отхватила половину немецкой земли, взяла ряд городов и крепостей, а журнал писал бы, что дела в России дрянь, тогда было бы справедливо негодовать, рвать журнал, ругаться и прочее.

Красная Армия плохо подготовлена? Помилуйте, граждане, да ведь подготовкак-то Красной Армии началась задолго до прихода к власти немецкого кастрата. Гитлер захватил власть только в 1933 г., тогда как большевики захватили власть в 1917 г. Разница, как видите, в шестнадцати годочках. А за шестнадцать лет, при хороших порядках, многое можно сделать.

Порядочки большевистские плохие. Вот почему несчастные русские войска несут поражения. Власть все врмя вела войну со своим населением. Крестьяне почитались властью непримиримыми врагами и лучшие из них физически уничтожались, а, между прочим, 85% всего русского населения—крестьяне. Другими словами, власть воевала со своим народом. Колхозная принудиловка довела крестьянство до того, что деревенский парень призывного возраста физически походил на двенадцатилетнего американского мальчика. Автор этих строк лично видел советских сельских новобранцев. Это результаты хронического недоедания. И когда я читаю об отступлении Красной Армии, мне всегда вспоминаются эти новобранцы — группка в 18 человек, с самодельной балалайкой, выглядевшей так же мизерно, как и сами бедные 'мальчики-новобранцы.

Кому там сопротивляться? Откуда взяться способности к наступлению?

Передовая, как раз и говорила об этих порядках, но фанатик не дал себе труда прочитать эту статью, а изорвал весь журнал. Автор же передовй искренний патриот, патриот народа, болеющий его страданиями, желающий ему победы и всяческого добра. Нападать на защитника этого народа значит нападать на самый народ.

Ф. Коваленко.

МОНТРЕАЛЬ, Канада. В виду приближения столетия со дня рождения П. А. Кропоткина, Союз Российских Тружеников г. Монтреаля рекомендует выпустить Анархический Альманах или Альбом Фотографий видных умерших анархических деятелей. Это обойдется дорого, но для пропаганды — ценно, так как этим путем мы хоть отчасти сможем объяснить рабочим значение анархического движения. Для этой цели мы выпустили подписной лист и собираем средства. С тов. приветом **Рез----ч.**

Товарищи, нужны средства для выпуска следующего номера «ДТ-П», просим присылать подписку, добровольные пожертвования, сколько кто может, и не задерживать сумм за проданные номера.

ФИНАНСОВЫЙ ОТЧЕТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ «Д.Т.П.»

с 1 сентября по 1 декабря 1942 г.

ПРИХОД:

Поступило пожертвований от организаций и отдельных лиц в фонд журнала:

От группы г. Филаделфии	25.00
Ньюхевенской организации	25.00
группы Монтреаля	20.00
группы Гартфорда	17.00
группы г. Балтиморы	13.00
группы Шенандоа	15.00
гр. Кливланда	12.00
гр. Юнгстауна	11.00
Б. В-ча г. Нью-Иорка	10.00
А. Гр--ма г. Нью Иорка	10.00
Д. Мл--ка г. Акрона	10.00
В. Д-на гор. Нью Иорка	5.00
От Н. Б 3.50, К. З. 2 д, Б. 1, М, 1	7,50
Чикаго: Ф. П. 2 д. Н. Н, 2 д, С, Ш-ла 1 д,	5,00
М. В. (Ансония) 3 д. О, У, (Бетлегем) 3 д,	6,00
В, Р. (Хемстед) 2 д. С. (Нью Кестл) 2 д,	4,00
Р. М. 2 д. А. Б, 1 д, Ф, Ч, 1 д,	4,00
Поступило подписки	9.00
Поступило за прод. номера	22.45
Остаток на 1 сентября	101,70
Итого	**332,65**

РАСХОД:

Издание №7 «Дело Труда-Пробуждение»	96.00
Экспедиция « « «	17.35
Переписка Редакции	10.00
Подписка на англ. газету для Редакции	8.50
Остаток на 1 декабря 1942 г.	200.80
Итого	**332.65**

ДЖЕЙМСПОРТ, Н. И. Уважаемый т. Свободин! Посылаю вам 3 д.: 1 д. — годовая подписка, а 2 д. — пожертвование в фонд «ДТ-П». С наилуч. пожеланиями **Н. Дем--ч.**

ЧИКАГО, Иллиной. Уваж. т. Свободин! Извиняюсь за медлительность и посылаю 3 д. на журнал «ДТ-П»: 1 д. — годовая подписка и 2 д. — в фонд журнала.

С тов. приветом **Ф. Пет--в.**

САУТ РИВЕР, Н. Дж. Уваж.А. Свободин! В ответ на вашу открытку помочь изданию журнала «ДТ-П» посылаю вам 2 доллара: 1 д. — на подписку и доллар — в фонд журнала.

С искренним приветом **Ф. Чер----ц.**

ХЕМПСТЕД, Н. И. Уваж. т. Свободин! Благодарю за журнал «ДТ-П». В наше кровавое время потребность в правдивом революционном слове очень велика. Посылаю в фонд журнала два доллара и желаю наилучшего успеха. С тов. приветом **В. Рад--а.**

ТОРОНТО, Канада. Дорогие друзья! Посылаю 1 д. на продление подписки на уважаемый журнал «ДТ-П», который прошу высылать регулярно и в будущем. С почтением и приветом **Л. Пет----в.**

ПИТТСБУРГ, Пенн. Дорогой друг Свободин! Все 10 экземпляров №6 «ДТ-П» разошлись, посылаю вам за них 1. 15 и, когда выйдет №7-й, пришлите вместо десяти — 20 экземпляров журнала «ДТ-П».

С приветом **А. Бон-----о.**

БАЛТИМОР, Мериленд. Уваж. т. А. Свободин, посылаю вам 19 д. на поддержку семьи покойного С. В. Мирончука и в фонд «ДТ-П».

Жертвовали в фонд журнала: Д. Лчк 5 д., Ф. С. 4 д., Л. П. 4 д., П. С. 1 д., и С. Ув. 1 д, всего — 13 дол.

На поддержку семьи Мирончука жертвовали: Д. Л. 5 д. и Ф. С. 1 д. итого 6 д.

Сердечная благодарность всем жертвователям. С тов. приветом **Д. Л-к.**

САНТ-ЛУИС, Мо. Уваж. тов. Свободин, 3-й и 4-й номера журнала «Д. Т. П.» получены и распространены.

При сем письме посылаю вам денежный перевод на сумму 3 д.; 2 доллара за проданные номера, а 1 д. добровольных пожертвований в фонд журнала. Извиняюсь за задержку денег. В будущем прошу посылать вместо 10-ти 15 экземпляров журнала. С приветом **М. Х.**

ДЕТРОЙТ. Уваж. тов. А. Свободин, посылаемые Вам 17 долларов, получились от продажи журнала «Д. Т. П.» за прошлый и последний номера.

Профсоюз не согласен с доводами иметь платного редактора. Объяснение вами причин опоздания в выпуске номера и отклонения некоторых статей нас вполне удовлетворяет. Профсоюз настоятельно рекомендует принять все меры к тому, чтобы выпустить следующий номер поскорее. Если имеется недостаток в средствах, то пишите и мы постараемся помочь больше в этом отношении.

С тов. приветом **Ф. К.**

Чикаго, Илл. Через тов. Волкова за проданные номера 5. 50, в фонд журнала от М. С. 2,00, от М. Басалова (подписка) 1. доллар. а всего 8 д. 50 с. С приветом **Волков.**

Нью Кэстль Па. Уваж.тов. Свободин, посылаю чек на сумму 5.70. За проданые номера журнала 1.60 и 5.10 в фонд журнала. Жертвовали следующие тт.: А. П. 1.00, Д.С. 1,00, П.М. 2,60, т К. С. 50 ц С тов. приветом **Д. С.**

ШЕНАНДОА, Пеннсильвания. Уваж. т. Свободин, посылаю в фонд «ДТ-П» 15 долларов. Жертвовали следующие тт: Ж. 5 д., К-ц 3 д., СТ. 3 д., Ке-с 2 д. и М--т 2 д. Желаю вам успеха в издательской деятельности.

С наилучшими пожеланиями **В. Я.**

НЬЮ ХЕЙВЕН, Конн. Уваж. т. Свободин, мы получили ваше воззвание к друзьям и читателям «ДТП» — собрать тысячу долларов на регулярное (ежемесячное) издание «ДТП». Мы от души приветствуем ваше доброе и нужное решение и для начала посылаем в фонд ежемесячного издания журнала «ДТП» 25 долларов. С тов. приветом **И. Б.**

ОБРАЩЕНИЕ К ДРУЗЬЯМ И ЧИТАТЕЛЯМ "ДТ-П".

Дорогие Друзья и Товарищи!

Журнал «Дело Труда-Пробуждение» существует 18-ый год, что является в истории русского освободительного движения заграницей выдающимся явлением, принимая во внимание трудности, которые приходится преодолевать при издании печатного органа свободнического направления.

БЛАГОДАРЯ ЖЕРТВЕННОСТИ И ОБЩИМ УПОРНЫМ УСИЛИЯМ ЧЛЕНОВ ФЕДЕРАЦИИ, СОЗНАЮЩИХ ИДЕЙНУЮ ПРАВОТУ И НЕОБХОДИМОСТЬ ИЗДАНИЯ СВОЕГО ЖУРНАЛА, «ДТ-П» ПРОДОЛЖАЕТ СУЩЕСТВОВАТЬ.

Как Вам известно, в свое время, когда работа шла дружнее, журнал выходил ежемесячно, а ныне выходит с большими перебоями, что неблгоприятно отражается на нашем свободническом движении, оказывающем известное влияние на культурный прогресс человечества, стремящегося к лучшему будущему — к Свободе, Равенству и Братству. Будем же служить ему по мере наших сил и способностей, будем энергично работать на благо всеобщего освобождения от нужды и страха. Необходимость регулярного, ежемесячного, издания журнала вытекает из следующих соображений:

В наши тяжелые дни человеческих жертвоприношений и жесточайших испытаний огнем и свинцом, во дни массового истребления людей и всех их достояний, когда свирепый и хищный фашистский зверь в образе человека беснуется и мечется по всей Европе: разрушает города и деревни,убивает, насилует и калечит сотни тысяч ни в чем неповинных людей, не щадя ни женщин, ни детей, ни стариков; в эти страшные дни отъявленного цинизма и глубочайшего нравственного падения человека, уподобившегося своими действиями самой низменной твари и по жестокости превосходящего кровожаднейших из зверей,— надо крепить живое свободное слово, единственное оружие свободомыслящих людей, надо усилить это свободное слово так, чтобы его услышали трудовые массы России и Европы, где оно давно было задушено: сначала большевиками (в Рссии), а затем фашистами и нацистами Гитлера в остальной Европе, ввергнувшими народы во всеистребляющую кровавую бойню.

Смертельная схватка демократий с государствами тотального фашизма приведет к хозяйственному разрушению и экономическому истощению обоих воюющих сторон. В результате этой хозяйственно-экономической разрухи народные массы, несущие на себе всю тяжесть войны, не выдержат тягот, начнут волноваться и требовать от господствующих классов прав на человеческую жизнь.

Из истории прошлого мы знаем, что народные массы, если они недостаточно проникнуты свободническими идеями, в момент революции легко поддаются влиянию шарлатанов политических партий и содействуют им строить новую рабскую систему, гораздо худшую капиталистической. Поэтому наш долг прививать трудящимся массам идеи Свободы, Равенства и Братства, которые явились бы для них путеводной звездой при их шествии к полному освобождению. А для этого нужно — живое свободное слово, каковым у нас является журнал «Дело Труда-Пробуждение», ЕДИНСТВЕННОЕ В МИРЕ ИЗДАНИЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ СВОБОДНИЧЕСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ.

Исходя из всего вышеизложенного, Редакционная Колегия задалась целью собрать к 1 апреля 1943 года ТЫСЯЧУ долларов для регулярного издания журнала — каждый месяц.

Поставленная нами цель, как видите, весьма ограничена: мы хотим обеспечить бесперебойное издание лишь первых номеровв «ДТ-П», а последующие, думается нам, покроются подпиской на журнал и суммами, получаемыми от розничной продажи журнала группами на местах. Редакционная Коллегия считает, что время для создания 1.000 дол. фонда самое подходящее, ибо все члены Федерации ныне работают и могут кое-что уделить на свои духовные нужды, на ежемесячное издание своего органа — «Дело Труда-Пробуждение».

Как можно осуществить это задание? Во-первых, добровольными щедрыми пожертвованиями, во 2-х, пожертвованием однодневного заработка, в-3-х, устройством розыгрыша книг или других предметов, сбором по подписным листам и устройством специальных вечеров в пользу ежемесячного издания «ДТ-П», или другими, наиболее удобными для Вас способами.

Итак, друзья, примемся за дело! Жертвуйте, кто сколько может! И с Нового Года приступим к регулярному, ежемесячному, изданию журнала «Дело Труда-Пробуждение».

В добрый час!

Все суммы просим направлять по адресу:
A. Svobodin, 45 W. 17th. St. New York, N. Y.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ «ДТ-П»